

Харпер Ли

XX
BOX
The BEST

Убить пересмешника...

[роман]

Харпер Ли

Убить пересмешника

«ФТМ»

«АСТ»

1960

Ли Х.

Убить пересмешника / Х. Ли — «ФТМ», «АСТ», 1960

ISBN 978-5-17-083520-1

История маленького сонного городка на юге Америки, поведанная маленькой девочкой. История ее брата Джима, друга Дилла и ее отца – честного, принципиального адвоката Аттикуса Финча, одного из последних и лучших представителей старой «южной аристократии». История судебного процесса по делу чернокожего парня, обвиненного в насилии над белой девушкой. Но прежде всего – история переломной эпохи, когда ксенофобия, расизм, нетерпимость и ханжество, присущие американскому югу, постепенно уходят в прошлое. «Ветер перемен» только-только повеял над Америкой. Что он принесет?..

ISBN 978-5-17-083520-1

© Ли Х., 1960

© ФТМ, 1960

© АСТ, 1960

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Харпер Ли

Убить пересмешника

Harper Lee

TO KILL A MOCKINGBIRD

© Harper Lee, 1960

© Перевод. Нора Галь, Р. Облонская, наследники, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Юристы, наверно, тоже когда-то были детьми.
Чарлз Лэм

Глава 1

Незадолго до того, как моему брату Джиму исполнилось тринадцать, у него был сломан локоть. Когда рука зажила и Джим перестал бояться, что не сможет играть в футбол, он ее почти не стеснялся. Левая рука стала немного короче правой; когда Джим стоял или ходил, ладонь была повернута к боку ребром. Но ему это было все равно, лишь бы не мешало бегать и гонять мяч.

Через несколько лет, когда все это было уже дело прошлое, мы иной раз спорили о событиях, которые к этому привели. Я говорила – все пошло от Юэлов, но Джим, а он на четыре года старше меня, уверял, что все началось гораздо раньше. Началось с того лета, когда к нам приехал Дилл, сказал он, Дилл первый придумал выманить из дому Страшилу Рэдди.

Я сказала, если добираться до корня, так все пошло от Эндрю Джексона¹. Если бы генерал Джексон не прогнал индейцев племени Ручья вверх по ручью, Саймон Финч не приплыл бы на своей лодке вверх по Алабаме, – и что бы тогда с нами было? Людям взрослым уже не пристало решать спор кулаками, и мы пошли и спросили Аттикуса. Отец сказал, что мы оба правы.

Мы южане; насколько нам известно, ни один наш предок не сражался при Гастингсе², и, признаться, кое-кто в нашей семье этого стыдится. Наша родословная начинается всего лишь с Саймона Финча, родом из Корнуэла, он был лекарь, а еще промышлял охотой, ужасно благочестивый, а главное, ужасный скряга. Саймону не нравилось, что в Англии людям, которые называли себя методистами, сильно доставалось от их более свободомыслящих братьев: он тоже называл себя методистом, а потому пустился в дальний путь – через Атлантический океан в Филадельфию, оттуда в Ямайку, оттуда в Мобил и дальше в Сент-Стивенс. Памятуя, как сурово Джон Уэсли осуждал многоглаголанье при купле-продаже, Саймон втихомолку нажил состояние на медицине, но при этом опасался, что не сможет устоять перед богопротивными соблазнами – начнет, к примеру, рядиться в золото и прочую мишуру. И вот, позабыв наставление своего учителя о тех, кто владеет людьми как орудиями, он купил трех рабов и с их помощью построил ферму на берегу Алабамы, миль на сорок выше Сент-Стивенса. В Сент-Стивенс он вернулся только однажды, нашел себе там жену, и от них-то пошел род Финчей, причем рождались все больше дочери. Саймон дожил до глубокой старости и умер богачом.

Мужчины в нашей семье обычно так и оставались на ферме Саймона «Пристань Финча» и выращивали хлопок. Хоть «Пристань» и выглядела скромно среди окружавших ее поистине королевских владений, но давала все, что нужно для независимого существования, только лед, пшеничную муку да одежду и обувь привозили пароходом из Мобила.

Распря между Севером и Югом, наверно, привела бы Саймона в бессильную ярость, ведь она отняла у его потомков все, кроме земли; однако они остались земледельцами, и лишь в двадцатом веке семейная традиция нарушилась: мой отец, Аттикус Финч, поехал в Монтгомери изучать право, а его младший брат поехал в Бостон изучать медицину. На «Пристани

¹ Джексон Эндрю (1767–1845) – президент США, чья политика способствовала освоению новых земель.

² В 1066 году в битве при Гастингсе норманский герцог Вильгельм I нанес поражение англосаксонским войскам и стал королем Англии. Предки Финчей не участвовали в этой битве, следовательно, Финчи не принадлежат к старинной английской аристократии.

Финча» осталась одна только их сестра Александра; она вышла замуж за тихоню, который целыми днями лежал в гамаке у реки и гадал, не попалась ли уже рыба на его удочки.

Закончив ученье, мой отец вернулся в Мейкомб и занялся адвокатской практикой. Мейкомб – это окружной центр милях в двадцати к востоку от «Пристани Финча». В здании суда у Аттикуса была контора, совсем пустая, если не считать вешалки для шляп, плевательницы, шахматной доски да новенького Свода законов штата Алабама. Первые два клиента Аттикуса оказались последними, кого повесили в мейкомбской окружной тюрьме. Аттикус уговаривал их признать себя виновными в непредумышленном убийстве, тогда великодушный закон сохранит им жизнь; но они были Хейверфорды, а кто же в округе Мейкомб не знает, что все Хейверфорды упрямы как ослы. У этих двоих вышел спор с лучшим мейкомбским кузнецом из-за кобылы, которая забрела на чужой луг, и они отправили кузнеца на тот свет, да еще имели неосторожность сделать это при трех свидетелях, а потом уверяли, что так этому сукину сыну и надо, и воображали, будто это их вполне оправдывает. Они твердили, что в убийстве с заранее обдуманном намерением не виновны, и Аттикус ничем не мог им помочь, кроме как присутствовать при казни, после чего, должно быть, он и проникся отвращением к уголовным делам.

За первые пять лет жизни в Мейкомбе Аттикус не столько занимался адвокатской практикой, сколько практиковался в строгой экономии: все свои заработки он вложил в образование младшего брата. Джон Хейл Финч был на десять лет моложе моего отца и решил учиться на врача как раз в ту пору, когда хлопок так упал в цене, что его и выращивать не стоило; потом Аттикус поставил дядю Джека на ноги, и с деньгами у него стало посвободнее. Он любил Мейкомб, он был плоть от плоти округа Мейкомб, знал всех здешних жителей, и они его знали; а благодаря стараниям Саймона Финча Аттикус был если не в кровном родстве, так в свойстве чуть ли не со всеми семействами города.

Мейкомб – город старый, когда я его узнала, он уже устал от долгой жизни. В дождь улицы раскисали, и под ногами хлюпала рыжая глина; тротуары заросли травой, здание суда на площади осело и покосилось. Почему-то в те времена было жарче, чем теперь: черным собакам приходилось плохо; на площади тень виргинских дубов не спасала от зноя, и костлявые мулы, впряженные в тележки, яростно отмахивались хвостами от мух. Крахмальные воротнички мужчин размокали уже к девяти утра. Дамы принимали ванну около полудня, затем после дневного сна – в три часа – и все равно к вечеру походили на сладкие булочки, покрытые глазурью из пудры и пота.

Люди в те годы двигались медленно. Разгуливали по площади, обходили одну лавку за другой, все делали с расстановкой, не торопясь. В сутках были те же двадцать четыре часа, а казалось, что больше. Никто никуда не спешил, потому что идти было некуда, покупать нечего, да и денег ни гроша, и ничто не влекло за пределы округа Мейкомб. Но для некоторых это было время смутных надежд: незадолго перед тем округу Мейкомб объяснили³, что ничего не надо страшиться, кроме страха.

Наш дом стоял на главной улице жилой части города, нас было четверо – Аттикус, Джим, я и наша кухарка Кэлпурния. Мы с Джимом считали, что отец у нас неплохой: он с нами играл, читал нам вслух и всегда был вежливый и справедливый.

Кэлпурния была совсем другая. Вся из углов и костей, близорукая и косая; и рука у нее была широкая, как лопата, и очень тяжелая. Кэлпурния вечно гнала меня из кухни и говорила, почему я веду себя не так хорошо, как Джим, а ведь она знала, что Джим старше; и она вечно звала меня домой, когда мне хотелось еще погулять. Наши сражения были грандиозны и всегда кончались одинаково. Кэлпурния неизменно побеждала, больше потому, что Аттикус

³ Слова из речи президента Франклина Рузвельта (1882–1945).

неизменно принимал ее сторону. Она жила у нас с тех пор, как родился Джим, и, сколько себя помню, я всегда ощущала гнет ее власти.

Мама умерла, когда мне было два года, так что я не чувствовала утраты. Она была из города Монтгомери, урожденная Грэм; Аттикус познакомился с нею, когда его в первый раз выбрали в законодательное собрание штата. Он был тогда уже пожилой, на пятнадцать лет старше ее. В первый год после их свадьбы родился Джим, после него через четыре года – я, а еще через два года мама вдруг умерла от разрыва сердца. Говорили, что это у Грэмов в роду. Я по ней не скучала, но Джим, наверно, скучал. Он хорошо помнил маму и иногда посреди игры вдруг длинно вздыхал, уходил за гараж и играл там один. Когда он бывал такой, я уж знала: лучше к нему не приставать.

Когда мне было около шести лет, а Джиму около десяти, нам летом разрешалось уходить от дома настолько, чтоб слышать, если Кэлпурния позовет: к северу – до ворот миссис Генри Лафайет Дюбоз (через два дома от нас), к югу – за три дома, до Рэдли. У нас никогда не было искушения перейти эти границы. В доме Рэдли обитало неведомое страшилище, стоило упомянуть о нем – и мы целый день были тише воды, ниже травы; а уж миссис Дюбоз была сушая ведьма.

В то лето к нам приехал Дилл.

Как-то рано утром мы с Джимом вышли на задворки, и вдруг в огороде у соседки мисс Рейчел Хейверфорд, среди грядок с кольраби, что-то зашевелилось. Мы подошли к проволоочной изгороди поглядеть, не щенок ли это, – у мисс Рейчел фокстерьер должен был ощениться, – а там сидел кто-то коротенький и смотрел на нас. Над кольраби торчала одна макушка. Мы стояли и смотрели. Потом он сказал:

– Привет!

– Сам привет, – вежливо ответил Джим.

– Я Чарлз Бейкер Харрис, – сказал коротенький. – Я умею читать.

– Ну и что? – сказала я.

– Я думал, может, вам интересно, что я умею читать. Может, вам надо чего прочесть, так я могу...

– Тебе сколько? – спросил Джим. – Четыре с половиной?

– Скоро семь.

– Чего ж ты хвастаешь? – сказал Джим и показал на меня большим пальцем. – Вон Глазастик сроду умеет читать, а она у нас еще и в школу не ходит. А ты больно маленький для семи лет.

– Я маленький, но я уже взрослый.

Джим отвел волосы со лба, чтоб получше его разглядеть.

– Поди-ка сюда, Чарлз Бейкер Харрис. Господи, вот так имечко!

– Не смешней твоего. Тетя Рейчел говорит, тебя зовут Джереми Аттикус Финч.

Джим нахмурился.

– Я большой, мне мое имя подходит. А твое длинней тебя самого. На целый фут⁴.

– Меня все зовут просто Дилл. – И Дилл полез под проволоку.

– Лучше бы сверху перелез, – сказала я. – Ты откуда взялся?

Дилл взялся из Меридиана, штат Миссисипи, он приехал на лето к своей тете мисс Рейчел и теперь всегда будет летом жить в Мейкомбе. Его родные все мейкомбские, мать работает в Меридиане в фотографии, она послала карточку Дилла на конкурс красивого ребенка и получила премию в пять долларов. Она отдала их Диллу, и он на эти деньги целых двадцать раз ходил в кино.

⁴ Фут (англ.) – единица длины, равная 30,5 см.

– У нас тут кино не показывают, только иногда в суде про Иисуса, – сказал Джим. – А ты видел что-нибудь хорошее?

Дилл видел кино «Дракула»⁵, это открытие заставило Джима поглядеть на него почти с уважением.

– Расскажи, – попросил он.

Дилл был какой-то чудной. Голубые полотняные штаны пуговицами пристегнуты к рубашке, волосы совсем белые и мягкие, как пух на утенке; он был годом старше меня, но гораздо ниже ростом. Он стал рассказывать нам про Дракулу, и голубые глаза его то светлели, то темнели; вдруг он принимался хохотать во все горло; на лоб ему падала прядь волос, и он все время ее теребил.

Когда Дилл разделался с Дракулой, Джим сказал – похоже, что кино поинтереснее книжки, а я спросила, где у Дилла отец.

– Ты про него ничего не говорил.

– У меня отца нет.

– Он умер?

– Нет...

– Как же так? Раз не умер, значит, есть.

Дилл покраснел, а Джим велел мне замолчать – верный знак, что он изучил Дилла и решил принять его в компанию. После этого у нас на все лето установился свой распорядок. Распорядок был такой: мы перестраивали свой древесный домик – гнездо, устроенное в развилке платана у нас на задворках, ссорились, разыгрывали в лицах подряд все сочинения Оливера Оптика, Виктора Эплтона и Эдгара Райса Бэрроуза⁶. Тут Дилл оказался для нас просто кладом. Он играл все характерные роли, которые раньше приходилось играть мне: обезьяну в «Тарзане», мистера Крэбтри в «Братьях Роувер», мистера Деймона в «Томе Свифте». А потом мы поняли, Дилл немножко колдун, вроде Мерлина, – великий мастер на самые неожиданные выдумки, невероятные затеи и престранные фантазии.

К концу августа нам наскучило снова и снова разыгрывать одни и те же спектакли, и тут Дилл надумал выманить из дому Страшила Рэдли.

Дом Рэдли заворожил Дилла. Сколько мы его ни предостерегали, сколько ему ни толковали, этот дом притягивал его, как луна море, но притягивал только до фонарного столба на углу, на безопасном расстоянии от ворот Рэдли. Тут Дилл застывал: обхватит рукой толстый столб, смотрит во все глаза и раздумывает.

Дом Рэдли стоял в том месте, где улица к югу от нас описывает крутую дугу. Если идти в ту сторону, кажется, вот-вот упрушься в их крыльцо. Но тут тротуар поворачивает и огибает их участок. Дом был низкий, когда-то выбелен известкой, с большой верандой и зелеными ставнями, но давным-давно уже облез и стал таким же грязно-серым, как и весь двор. Прогнившая дранка свисала с крыши веранды, густая листва дубов не пропускала солнечных лучей. Поредевшие колья забора, шатаясь, как пьяные, ограждали двор перед домом – «чистый» двор, который никогда не подметался и весь зарос сорной травой.

В этом доме обитал злой дух. Так все говорили, но мы с Джимом никогда его не видели. Говорили, он выходит по ночам, когда нет луны, и заглядывает в чужие окна. Если вдруг похолодает и у кого-нибудь в саду померзнут азалии, значит, это он на них дохнул. Все мелкие тайные преступления, какие только совершаются в Мейкомбе, – это его рук дело. Как-то на город одно за другим посыпались непонятные и устрашающие ночные происшествия: кур, кошек и собак находили поутру жестоко искалеченными; и хотя виновником оказался полоумный Эдди, который потом топился в Заводи, все по-прежнему косились на дом Рэдли, словно не хотели

⁵ Фильм по роману ужасов Брэма Стокера (1847–1912), его герой – вампир.

⁶ Авторы детских приключенческих книг. Особенно была популярна серия книг Бэрроуза о Тарзане.

отказываться от первоначальных подозрений. Ни один негр не решался ночью пройти мимо этого дома – уж непременно перейдет на другой тротуар и начнет насвистывать для храбрости. Площадка для игр при мейкомбской школе примыкала к задворкам Рэдли; возле курятника у Рэдли росли высоченные pekanовые деревья, и спелые орехи сыпались с ветвей на школьный двор, но никто к ним не притрагивался: орехи Рэдли ядовитые! Бейсбольный мяч, залетевший к Рэдли, пропадал безвозвратно, о нем никто и не заикался.

Тайна окутала этот дом задолго до того, как родились мы с Джимом. Перед семейством Рэдли были открыты все двери в городе, но оно держалось очень замкнуто – грех в Мейкомбе непростительный. Рэдли не ходили в церковь, хотя в Мейкомбе это главное развлечение, а молились Богу у себя дома; можно было пересчитать по пальцам случаи, когда миссис Рэдли днем выходила из дому, чтоб выпить чашку кофе с соседками, а на собраниях миссионерского общества ее не видали ни разу. Мистер Рэдли каждое утро в половине двенадцатого отправлялся в город и уже через полчаса возвращался, иногда с пакетом в руках: с покупками из бакалейной лавки – догадывались соседи. Я так и не поняла, как старик Рэдли зарабатывал свой хлеб. Джим говорил, что он «скупает хлопок» (вежливый оборот, означавший «бьет баклуши»), но мистер Рэдли с женой и двумя сыновьями жили в нашем городе с незапамятных времен.

По воскресеньям двери и ставни у Рэдли были закрыты – тоже наперекор мейкомбскому обычаю: у нас закрывают двери только в холода или если кто-нибудь болен. А по воскресеньям полагается делать визиты: женщины ходят в корсетах, мужчины – в пиджаках, дети – в башмаках. Но никто из соседей в воскресный день не поднялся бы на крыльцо к Рэдли и не окликнул: «Привет!» Двери у них были сплошные. Я как-то спросила Аттикуса, были ли у них когда-нибудь двери с москитной сеткой, и Аттикус сказал – да, но еще до того, как я родилась.

Рассказывали, когда младший сын Рэдли был подростком, он свел дружбу с Канингемами из Старого Сарэма – многолюдным и загадочным племенем, обитавшим на севере нашего округа, и впервые за всю историю Мейкомба они сколотили что-то вроде шайки. Они не так уж много буянили, но и этого было довольно, чтобы о них судил и рядил весь город и три священника увещевали их с трех церковных кафедр: они слонялись возле парикмахерской, по воскресеньям ездили автобусом в Эбботсвил в кино; ходили на танцульки в известный всему округу игорный притон на берегу Алабамы – гостиницу «Капля росы и приют рыболова» и даже пробовали пить виски. Ни один человек в Мейкомбе не отважился сказать мистеру Рэдли, что его сын связался с дурной компанией.

Однажды вечером, разойдясь больше обычного, мальчишки прикатили на главную площадь задом наперед на взятом у кого-то взаймы дрянном «фордике», оказали сопротивление почтенному церковному старосте мистеру Коннеру, который пытался их задержать, и заперли его во флигеле для присяжных во дворе суда. Весь город решил, что этого им спустить нельзя; мистер Коннер заявил, что узнал всех до одного в лицо и так этого не оставит, – и вот мальчишки предстали перед судом по обвинению в хулиганстве, нарушении общественной тишины и порядка, оскорблении действием и сквернословии в присутствии женщин. Судья спросил мистера Коннера, откуда это последнее обвинение, и мистер Коннер сказал – ребята ругались так громко, что их наверняка слышали все женщины во всем Мейкомбе. Судья решил отправить мальчишек в ремесленную школу штата, куда иной раз посылали подростков просто для того, чтобы у них был кусок хлеба и крыша над головой. Это была не тюрьма, и это не считалось позором. Но мистер Рэдли думал иначе. Если судья отпустит Артура, мистер Рэдли уж позаботится, чтоб Артур больше не доставлял хлопот. Зная, что у мистера Рэдли слово не расходится с делом, судья охотно отдал ему сына.

Другие мальчишки поступили в ремесленную школу и получили лучшее среднее образование, какое только можно получить в пределах нашего штата; один из них даже окончил потом высшее техническое училище в Оберне. Двери дома Рэдли были закрыты наглухо и по

воскресеньям и в будни, и целых пятнадцать лет никто больше ни разу не видал младшего сына мистера Рэдли.

А потом настал день, который смутно помнил и Джим, когда Страшила Рэдли дал о себе знать, а кое-кто его и увидел. По словам Джима, Аттикус не любил говорить о Рэдли, и, когда Джим про них спрашивал, Аттикус отвечал одно: занимайся своими делами, а в дела Рэдли не суйся, они тебя не касаются. Но после того случая, рассказывал Джим, Аттикус покачал головой и сказал «гм-гм».

Почти все сведения Джим получил от нашей соседки мисс Стивени Кроуфорд, завзятой сплетницы, – она-то уж знала все доподлинно. По ее словам, Страшила сидел в гостиной, вырезал какие-то заметки из «Мейкомб трибюн» и наклеивал в альбом. В комнату вошел мистер Рэдли-старший. Когда отец проходил мимо, Страшила ткнул его ножницами в ногу, потом вытащил ножницы, вытер кровь о штаны и вновь принялся за свои вырезки.

Миссис Рэдли выбежала на улицу и закричала, что Артур их всех сейчас убьет, но, когда прибыл шериф, Страшила все так же сидел в гостиной и вырезал что-то из газеты. Ему было тогда тридцать три года.

Мисс Стивени сказала – мистеру Рэдли предложили отправить Страшилу на время в Таскалузу, это будет ему полезно, но старик сказал – нет, ни один Рэдли в сумасшедшем доме не сидел и сидеть не будет. Страшила не помешанный, просто он иногда бывает раздражительным. Поддержать его под замком можно, а судить не за что, никакой он не преступник. Шериф не решился посадить Страшилу в тюрьму вместе с неграми, и его заперли в подвале здания суда.

Как Страшилу вновь перевели из этого подвала домой, Джим помнил очень смутно. Мисс Стивени Кроуфорд рассказывала – некоторые члены муниципалитета сказали мистеру Рэдли, что, если он не заберет Страшилу из подвала, тот зарастет плесенью от сырости и помрет. И потом, не может же Страшила весь век жить на средства округа.

Никто не знал, каким образом мистеру Рэдли удалось запугать Страшилу так, чтоб он не показывался на люди; Джим думал, что Страшила почти все время сидит на цепи, прикованный к кровати. Но Аттикус сказал – нет, не в том дело, можно и другими способами превратить человека в привидение.

Помню, изредка мне случалось видеть, как миссис Рэдли открывает парадную дверь, подходит к перилам веранды и поливает свои канны. А вот мистера Рэдли, когда он шагал в город и обратно, мы с Джимом видели каждый день. Он был худой, жилистый, глаза какие-то блеклые, даже не поймешь, какого они цвета. Торчат острые скулы, рот большой, верхняя губа тонкая, а нижняя толстая. Мисс Стивени Кроуфорд говорила – он уж до того прямой и правильный человек, что слушает одного только Бога, и мы ей верили, потому что мистер Рэдли был прямой, как громоотвод.

С нами он не разговаривал. Когда он шел мимо, мы опускали глаза и говорили: «Доброе утро, сэр», а он в ответ только покашливал. Его старший сын жил в Пенсаколе; на Рождество он приезжал домой, он был один из немногих, кто на наших глазах входил в этот дом или выходил из него. Люди говорили, с того дня, как мистер Рэдли взял Артура из подвала, дом словно вымер.

А потом настал день, когда Аттикус сказал – если мы станем шуметь во дворе, он нам задаст, и велел Кэлпурнии, чтоб мы не смели пикнуть, пока его не будет дома. Мистер Рэдли умирает.

Мистер Рэдли не торопился. Улицу по обе стороны от его дома перегородили деревянными козлами, тротуар посыпали соломой, все машины и повозки сворачивали в объезд. Доктор Рейнолдс всякий раз, приезжая к больному, оставлял свою машину возле нас и к дому Рэдли шел пешком. Мы с Джимом целыми днями ходили по двору на цыпочках. Наконец козлы убрали, и мы с крыльца смотрели, как мистер Рэдли отправился мимо нашего дома в последний путь.

– Вот хоронят самого подлого человека на свете, – проворчала себе под нос Кэлпурния и задумчиво сплюнула.

Мы посмотрели на нее во все глаза: Кэлпурния не часто позволяла себе вслух судить о белых.

Все соседи думали – когда мистер Рэдли отправится на тот свет, Страшила выйдет на свет Божий, но они ошибались: из Пенсаколы вернулся старший брат Страшилы и занял место отца. Разница была только в возрасте. Джим сказал – мистер Натан Рэдли тоже «скупает хлопок». Однако мистер Натан отвечал нам, когда мы с ним здоровались, и иногда он возвращался из города с журналом в руках.

Чем больше мы рассказывали Диллу про семейство Рэдли, тем больше ему хотелось знать, тем дольше он простаивал на углу в обнимку с фонарным столбом и тем дольше раздумывал.

– Интересно, что он там делает, – бормотал он. – Вот возьмет сейчас и высунется из-за двери.

– Он по ночам выходит, когда темно, – сказал Джим. – Мисс Стивени Кроуфорд говорит, раз она проснулась среди ночи, а он смотрит на нее в окошко... смотрит, а сам похож на мертвеца, голова точь-в-точь как череп. Дилл, а ты его не слышал? Ты ночью не просыпался? Он ходит вот так (и Джим зашаркал ногами по гравии). Думаешь, почему мисс Рейчел так запирает на ночь все двери? Я сам утром сколько раз видал у нас на задворках его следы, а раз ночью слышим – он скребется в окно у заднего крыльца, Аттикус вышел, а его уже нет.

– Вот бы поглядеть, какой он, – сказал Дилл.

Джим нарисовал довольно похожий портрет Страшилы: ростом Страшила, судя по следам, около шести с половиной футов; ест он сырых белок и всех кошек, какие только попадутся, вот почему руки у него всегда в крови, ведь кто ест животных сырыми, тому век не отмыть рук. У него длинный кривой шрам через все лицо; зубы желтые, гнилые; он пучеглазый и слюнявый.

– Давайте выманить его из дому, – сказал Дилл. – Я хочу на него поглядеть.

Джим сказал:

– Что ж, если тебе жизнь надоела, поди и постучи к ним в парадную дверь, только и всего.

Наш первый налет состоялся, только когда Дилл поспорил с Джимом на книжку «Серое привидение» против двух выпусков «Тома Свифта», что Джим не посмеет сунуться в ворота Рэдли. Джим был такой: если его раздражить, нипочем не отступит.

Джим думал три дня. Наверно, честь ему была дороже жизни, потому что Дилл его донял очень легко.

– Ты трусишь, – сказал он в первый же день.

– Не трушу, просто невежливо ломиться в чужой дом.

Назавтра Дилл сказал:

– Ты трусишь, тебе к ним во двор одной ногой и то не ступить.

Джим возразил, что он ведь сколько лет каждый день ходит в школу мимо Рэдли.

– Не ходишь, а бегом бегаешь, – сказала я.

Но на третий день Дилл добил его: он сказал Джиму, что в Меридиане люди похрабрее мейкомбских, он сроду не видал таких трусов, как в Мейкомбе.

Услышав такие слова, Джим прошагал по улице до самого угла, прислонился к фонарному столбу и уставился на калитку, которая нелепо болталась на самодельной петле.

– Надеюсь, ты и сам понимаешь, Дилл Харрис, что он всех нас прикончит, – сказал Джим, когда мы подошли к нему. – Он выцарапает тебе глаза, и тогда не говори, что это я виноват. Помни, ты сам это затеял.

– А ты все равно трусишь, – кротко сказал Дилл.

Джим попросил Дилла усвоить раз и навсегда, что ничего он не трусил.

– Просто я никак не придумаю, как бы его выманить, чтоб он нас не поймал.

И потом, Джим обязан помнить о своей младшей сестре.

Как только он это сказал, я поняла – он и вправду боится. Когда я один раз сказала, что ему слабó спрыгнуть с крыши, он тоже вспомнил о своей младшей сестре. «Если я разобьюсь насмерть, что будет с тобой?» – спросил он тогда. Прыгнул с крыши, но не разбился, и больше не вспоминал, что он в ответе за свою младшую сестру, пока не оказался перед воротами Рэдли.

– Что, слабó тебе? Хочешь на попятную? – сказал Дилл. – Тогда, конечно...

– Дилл, такие вещи надо делать подумавши, – сказал Джим. – Дай минуту подумать... это все равно как заставить черепаху высунуть голову...

– А как ты ее заставишь? – поинтересовался Дилл.

– Надо зажечь у нее под пузом спичку.

Я сказала – если Джим подожжет дом Рэдли, я скажу Аттикусу.

Дилл сказал – поджигать черепаху гнусно.

– Ничего не гнусно, надо же ее заставить, и ведь это не то что кинуть ее в огонь, – проворчал Джим.

– А почему ты знаешь, что от спички ей не больно?

– Дурак, черепахи ничего не чувствуют, – сказал Джим.

– А ты что, сам был черепахой?

– Ну знаешь, Дилл!.. А теперь не мешай, дай подумать... Может, если мы начнем кидаться камнями...

Джим думал так долго, что Дилл пошел на уступки.

– Ладно, не слабó, ты только подойди к дому, дотронься рукой – и «Серое привидение» твое.

Джим оживился:

– Дотронусь – и все?

Дилл кивнул.

– Значит, все? – повторил Джим. – Смотри, а то я дотронусь, а ты сразу станешь орать – не по правилам!

– Говорят тебе, это все, – сказал Дилл. – Он, наверно, как увидит тебя во дворе, сразу выскочит, тут мы с Глазастиком накинемся на него и схватим и объясним, что мы ему ничего плохого не сделаем.

Мы перешли через улицу и остановились у ворот Рэдли.

– Ну, валяй, – сказал Дилл. – Мы с Глазастиком тут.

– Сейчас, – сказал Джим. – Не торопи меня.

Он зашагал вдоль забора до угла, потом обратно – видно, изучал несложную обстановку и решал, как лучше проникнуть во двор; при этом он хмурился и чесал в затылке.

Я смотрела, смотрела на него – и фыркнула.

Джим рывком распахнул калитку, кинулся к дому, хлопнул ладонью по стене и помчался обратно мимо нас, даже не обернулся поглядеть, что толку от его набега. Мы с Диллом мчались за ним по пятам. Благополучно добежали до нашей веранды и, пытая и еле переводя дух, оглянулись.

Старый дом стоял по-прежнему хмурый и унылый, но вдруг нам показалось, что в одном окне шевельнулась штора. Хлоп. Легкое, чуть заметное движение – и дом снова замер.

Глава 2

В начале сентября Дилл попрощался с нами и уехал к себе в Меридиан. Мы проводили его на пятичасовой автобус, и я ужасно скучала, но потом сообразила – через неделю мне в школу! Еще ничего в жизни я не ждала с таким нетерпением. Зимой я часами просиживала в нашем домике на платане, глядела на школьный двор, подсматривала за школьниками в бинокль Джима, изучила все их игры, не спускала глаз с красной куртки Джима, когда ребята кружили и петляли по двору, играя в жмурки, втайне делила все их радости и неудачи. И ужасно хотела быть с ними вместе.

В первый день Джим снизошел до того, что сам отвел меня в школу, обычно это делают родители, но Аттікус сказал – Джим с удовольствием покажет мне мой класс. Наверно, тут совершилась выгодная сделка: когда мы рысцой огибали угол дома Рэдли, я услышала необычный звук – в кармане у Джима позвякивали монетки. Перед школьным двором мы замедлили шаг, и Джим стал мне толковать, чтоб в школе я к нему не приставала, не просила разыграть главу «Тарзан и люди-муравьи», не докучала намеками на его личную жизнь и не ходила за ним хвостом в перемены. Мое место в первом классе, а место Джима – в пятом. Короче говоря, чтоб я не путалась у него под ногами.

– Что ж, нам с тобой больше нельзя играть вместе? – спросила я.

– Дома мы будем жить, как жили, – сказал Джим. – Только сама увидишь, в школе не то, что дома.

Так оно и оказалось. В первое же утро наша учительница мисс Кэролайн Фишер вызвала меня и перед всем классом отлупила линейкой по ладони, а потом поставила в угол до большой перемены.

Мисс Кэролайн была молодая – двадцать один, не больше. Волосы темно-рыжие, щеки розовые и темно-красный лак на ногтях. И лакированные туфельки на высоком каблуке, и красное платье в белую полоску. Она была очень похожа на мятную конфетку, и пахло от нее мятной конфеткой. Она снимала верхнюю комнату у мисс Моды Эткинсон, напротив нас, и, когда мисс Моды нас с ней познакомила, Джим потом несколько дней ходил, как в тумане.

Мисс Кэролайн написала свое имя на доске печатными буквами и сказала:

– Тут написано, что меня зовут мисс Кэролайн Фишер. Я из Северной Алабамы, из округа Уинстон.

Класс зашептался: у жителей тех мест характер известный, наверно, и мисс Кэролайн такая же. (Когда 11 января 1861 года штат Алабама откололся от Соединенных Штатов, округ Уинстон откололся от Алабамы⁷ – в округе Мейкомб это знает каждый младенец.) В Северной Алабаме полным-полно противников «сухого закона», не весть сколько ткацких фабрик, сталелитейных компаний, республиканцев, профессоров и прочих людей без роду, без племени.

Для начала мисс Кэролайн стала читать нам вслух про кошек. Кошки вели друг с другом длинные беседы, ходили в нарядных платьицах и жили на кухне в теплом домике под печкой. К тому времени, как миссис Кошка позвонила в аптеку и заказала пилюли из сушеных мышей в шоколаде, весь класс так и корчился от смеха. Мисс Кэролайн, видно, было невдомек, что ее ученики – мальчишки в рваных рубашках и девчонки в платьях из мешковины, все, кто, едва научившись ходить, уже собирает хлопок и задает корм свиньям, – не очень восприимчивы к изящной словесности. Дочитав до конца, она сказала:

– Какая милая сказка, не правда ли, дети?

Потом подошла к доске, огромными печатными буквами выписала на ней весь алфавит и, обернувшись к классу, спросила:

⁷ Когда начинался конфликт между Севером и Югом, жители этого округа оказались на стороне северян.

– Кто знает, что это такое?

Знали все: большинство сидело в первом классе второй год.

Наверно, мисс Кэролайн выбрала меня потому, что помнила, как меня зовут. Когда я стала читать все буквы подряд, меж бровей у нее появилась чуть заметная морщинка; потом она заставила меня прочесть вслух полбукваря и биржевой бюллетень из «Мобил реджистер», убедилась, что я грамотная, и посмотрела на меня уже с легким отвращением. И велела мне сказать отцу, чтобы он меня больше не учил, это помешает мне читать как полагается.

– Но он меня ничему не учил, мисс Кэролайн, – удивилась я.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Аттикусу некогда меня учить, – прибавила я. – Знаете, он вечером всегда такой усталый, он только сидит в гостиной и читает.

– Если не он, так кто же тебя учил? – сказала мисс Кэролайн совсем не сердито. – Кто-то ведь учил? Не с пеленок же ты читаешь газеты.

– А Джим говорит – с пеленок. Он читал одну книжку, и там я была не Финч, а Пинч. Джим говорит, меня по-настоящему зовут Джин-Луиза Пинч, но, когда я родилась, меня подменили, а по-настоящему я...

Мисс Кэролайн мне, видно, не поверила.

– Не будем давать волю фантазии, деточка, – сказала она. – Итак, передай отцу, чтобы он больше тебя не учил. Учиться читать лучше по всем правилам. Скажешь ему, что теперь я возьмусь за тебя сама и постараюсь исправить зло...

– Как вы сказали, мэм?

– Твой отец не умеет учить. А теперь садись.

Я пробормотала, что прошу прощения, села на свое место и начала думать, в чем же мое преступление. Я никогда не училась читать нарочно, просто как-то так выходило, что я каждый день без спросу рылась в газетах. А может, я научилась читать за долгие часы в церкви? Не помню, было ли такое время, когда я не умела читать псалмы. Если разобраться, чтение пришло само собой, все равно как сама собой я научилась не глядя застегивать сзади комбинезон и не путаться в шнурках башмаков, а завязывать их бантом. Уж не знаю, когда именно строчки над движущимся пальцем Аттикуса стали делиться на слова, но, сколько себя помню, каждый вечер я смотрела на них и слушала последние новости, проекты новых законов, дневники Лоренцо Дау – все, что читал Аттикус, когда я перед сном забиралась к нему на колени. Пока я не испугалась, что мне это запретят, я вовсе не любила читать. Дышать ведь не любишь, а попробуй не дышать...

Понимая, что мисс Кэролайн мною недовольна, я решила не искушать судьбу и до конца урока смотрела в окно, а потом настала перемена, и весь первый класс высыпал во двор. Тут меня отыскал Джим, отвел в сторону и спросил, как дела. Я рассказала.

– Если б можно, я бы ушла домой. Джим, эта тетка говорит, Аттикус учил меня читать, так пускай больше не учит...

– Не горюй, – стал утешать меня Джим. – Наша учительница говорит, мисс Кэролайн преподает по новому способу. Ее этому выучили в колледже. Скоро во всех классах так будет. При этом способе по книжкам почти не учатся, вроде как с коровами: если хочешь узнать про корову, надо ее подоить, ясно?

– Ага, но я не хочу изучать коров, я...

– Как так не хочешь? Про коров надо знать, в нашем округе на них половина хозяйства держится.

Я только и спросила, не спятил ли он.

– Вот дуреха, я просто объясняю тебе, что первоклашек теперь учат по новому способу. Называется – «Десятичная система Дьюи».

Я никогда не подвергала сомнению истины, которые изрекал Джим, не усомнилась и теперь. «Десятичная система Дьюи» наполовину состояла в том, что мисс Кэролайн махала у нас перед носом карточками, на которых было выведено печатными буквами: КИТ, КОТ, ВОТ, ДОМ, ДЫМ. От нас, видимо, не требовалось никаких комментариев, и класс в молчании принимал эти импрессионистские откровения. Мне стало скучно, и я принялась писать письмо Диллу. На этом занятии меня поймала мисс Кэролайн и опять велела сказать отцу, чтоб он перестал меня учить.

– И, кроме того, – сказала она, – в первом классе мы пишем только печатными буквами. А по-письменному будешь учиться в третьем классе.

Тут виновата была Кэлпурния. Наверно, иначе в ненастную погоду ей бы от меня житья не было. Она задавала мне урок: нацарапает на грифельной доске сверху все буквы по-письменному, положит рядом раскрытую Библию и велит переписывать главу по-письменному. Если я выводила буквы похоже, она давала мне в награду кусок хлеба с маслом, густо посыпанный сахаром. Учительница она была строгая, не часто бывала мною довольна и я не часто получала награду.

– Все, кто ходит завтракать домой, поднимите руки, – сказала мисс Кэролайн, и я не успела додумать, как еще меня обидела Кэлпурния.

Все городские ребята подняли руки, и мисс Кэролайн внимательно оглядела нас.

– Все, у кого завтрак с собой, достаньте его.

Неведомо откуда появились ведерки из-под патоки, и на потолке заплясали серебряные зайчики. Мисс Кэролайн ходила между рядами парт, заглядывала в ведерки и в бумажные пакеты и то одобрительно кивала, то слегка хмурилась. Возле парты Уолтера Канингема она остановилась.

– А где твой завтрак? – спросила она.

По лицу Уолтера Канингема каждый первоклассник сразу видел – у него глисты. А по его босым ногам сразу видно было, откуда это у него. Глисты бывают оттого, что ходишь босиком по хлеву и по грязи, где валяются свиньи. Будь у Уолтера башмаки, в первый день занятий он бы, конечно, их надел, а потом все равно ходил бы в школу босой до самых холодов. Зато на нем была чистая рубашка и старательно залатанный комбинезон.

– Ты сегодня забыл взять с собой завтрак? – спросила мисс Кэролайн.

Уолтер смотрел прямо перед собой. На его тощей щеке дергался мускул.

– Ты забыл сегодня завтрак? – опять спросила мисс Кэролайн.

У него опять дернулась щека.

– Угу, – пробормотал он наконец.

Мисс Кэролайн подошла к своему столу и достала кошелек.

– Вот тебе двадцать пять центов, – сказала она. – Поди и купи себе поесть. Деньги отдашь мне завтра.

Уолтер помотал головой.

– Нет, мэм, спасибо, – тихо сказал он.

В голосе мисс Кэролайн послышалось нетерпение:

– Поди сюда, Уолтер, и возьми деньги.

Уолтер опять помотал головой.

Когда он замотал головой в третий раз, кто-то прошептал:

– Скажи ей, Глазастик!

Я оглянулась и увидела, что почти все городские ребята и все загородные смотрят на меня. Мы с мисс Кэролайн уже дважды беседовали, и они все уставились на меня в простодушной уверенности, что из столь близкого знакомства рождается взаимопонимание.

Так и быть, надо вступить за Уолтера. Я встала.

– Э-э... мисс Кэролайн...

– Что тебе, Джин-Луиза?

– Мисс Кэрлайн, он Канингем.

И я села на место.

– Что такое, Джин-Луиза?

Мне казалось, я сказала очень ясно. Всем нам было ясно: Уолтер Канингем врет почему. Никакого завтрака он не забывал, никакого завтрака у него и не было. Сегодня нет, и завтра не будет, и послезавтра. Он, наверно, в жизни своей не видал трех четвертаков сразу.

Я сделала еще одну попытку:

– Мисс Кэрлайн, ведь Уолтер из Канингемов.

– Не понимаю, Джин-Луиза. О чем ты говоришь?

– Это ничего, мэм, вы скоро всех в округе узнаете. Канингемы никогда ничего не возьмут бесплатно – ни у прихода, ни у муниципалитета. Они ни у кого ничего не берут, обходятся тем, что есть. У них мало что есть, но они обходятся.

В нравах племени Канингемов – вернее, одной его ветви – я начала разбираться минувшей зимой. Отец Уолтера приходил к Аттикусу за советом. Однажды вечером они долго и скучно толковали в гостиной про ущемление прав, а на прощанье мистер Канингем сказал:

– Уж не знаю, мистер Финч, когда я смогу с вами расплатиться.

– Пусть вас это не заботит, Уолтер, – сказал Аттикус.

Я спросила Джима, что такое ущемление, он объяснил – когда тебе прищемят хвост, и тогда я спросила Аттикуса, сможет ли мистер Канингем когда-нибудь нам заплатить.

– Деньгами не сможет, – сказал Аттикус, – но до конца года он со мной рассчитается. Вот увидишь.

И мы увидели. Как-то утром мы с Джимом нашли на задворках гору хвороста для растопки. Потом на заднем крыльце откуда-то взялся целый мешок орехов. На Рождество появилась корзинка остролиста. Весной мы нашли еще мешок молодой репы, и тут Аттикус сказал, что мистер Канингем заплатил ему с лихвой.

– Почему это он платит репой? – спросила я.

– Потому, что иначе ему платить нечем. У него нет денег.

– А мы бедные, Аттикус?

Аттикус кивнул:

– Да, конечно.

Джим наморщил нос.

– Такие же бедные, как Канингемы?

– Ну, не совсем. Канингемы не горожане, а фермеры, по ним кризис ударил сильнее всего.

Аттикус сказал – в городе многие люди бедны потому, что бедны фермеры. Округ Мейкомб – фермерский; докторам, адвокатам, зубным врачам каждый грош трудно достается. Ущемление прав не единственная беда мистера Канингема. Та часть его земли, которой он имеет право распоряжаться, не спросив совладельца, заложена и перезаложена, и жалкие гроши, которые он получает наличными, приходится отдавать в уплату процентов. Если бы мистер Канингем не говорил лишнего, его взяли бы на общественные работы, но если он бросит свою землю, она пропадет, а он предпочитает голодать, но сохранить ее, и притом голосовать за кого хочет. Мистер Канингем – из породы непреклонных, сказал Аттикус. У Канингемов нет денег заплатить юристу, вот они и платят чем могут.

– А знаете, доктор Рейнолдс тоже так работает, – сказал Аттикус. – Когда родится ребенок, он берет с родителей меру картофеля. Мисс Глазастик, если вы подарите меня своим вниманием, я вам объясню, что значит ущемление прав. Джим иногда очень точно определяет, что к чему.

Если бы я могла объяснять так же просто и понятно, как Аттикус, я бы избежала кое-каких неприятностей и уберегла нашу учительницу от горького разочарования, но я не умела и поэтому сказала:

– Мисс Кэролайн, вы Уолтера только зря срамите. У него дома нет четвертака, чтоб вам вернуть, а хворост вам ни к чему.

Мисс Кэролайн сперва остолбенела, а потом схватила меня за шиворот и потащила к своему столу.

– Джин-Луиза, ты мне надоела, – сказала она. – Ты во всех отношениях плохо начинаешь, моя милая. Протяни руку.

Я думала, она сейчас плюнет мне на ладонь – в Мейкомбе только для этого и протягивают руку, это освященный веками обычай, так скрепляют у нас всякий уговор. Не совсем понимая, о чем же это мы с ней уговорились, я оглянулась на ребят, но весь класс в таком же недоумении смотрел на меня. Мисс Кэролайн взяла со стола линейку, раз пять или шесть легонько хлопнула меня по руке, а потом велела стать в угол. Тут только до ребят дошло, что мисс Кэролайн меня отлупила, и все покатались со смеху.

Мисс Кэролайн пригрозила, что им тоже достанется, и первый класс опять захохотал, отрезвило его только появление мисс Блаунт. Коренная жительница Мейкомба, пока еще не посвященная в тайны «Десятичной системы Дьюи», мисс Блаунт стала на пороге – руки в боки – и заявила:

– Если тут в классе еще кто-нибудь пикнет, всех взгрею, так и знайте! Мисс Кэролайн, из-за этого крика и шума шестой класс не может сосредоточиться на пирамидах.

В углу я стояла недолго. К счастью для мисс Кэролайн, зазвенел звонок, и все пошли завтракать. Я выходила последней и видела – мисс Кэролайн тяжело опустилась на стул и уронила голову на руки. Если б она обошлась со мной получше, я бы ее пожалела. Она была такая хорошенькая.

Глава 3

Я немного отвела душу – налетела во дворе на Уолтера Канингема и давай тыкать его в землю носом, но тут подошел Джим и велел его отпустить.

– Связалась с маленьким.

– Никакой он не маленький, – сказала я. – Из-за него я плохо начала.

– Брось, Глазастик! За что ты его?

– У него не было завтрака, – сказала я и объяснила, как мне попало из-за Уолтерова питания.

Уолтер поднялся на ноги и молча слушал. Он слегка сжал кулаки, будто ждал – вот-вот мы оба на него накинемся. Я затопала было на него, чтоб он убирался, но Джим придержал меня за плечо. Внимательно оглядел Уолтера, потом спросил:

– Твой папа – мистер Уолтер Канингем из Старого Сарэма?

Уолтер кивнул.

Он был такой чахлый и тощий, будто отродясь не ел досыта, глаза голубые, как у Дилла Харриса, и слезятся, веки красные, а в лице ни кровинки, только кончик носа красный и мокрый. Он беспокойно теревил лямки комбинезона, дергал крючки.

Джим вдруг весело улыбнулся ему.

– Пойдем к нам завтракать, Уолтер, – сказал он. – Мы будем очень рады.

Уолтер просиял, но сразу опять насупился.

Джим сказал:

– Наш отец с твоим отцом друзья. А Глазастик – она просто шалая. Больше она тебя не тронет.

– Это еще как сказать, – возмутилась я: чего ради Джим дает обещания, не спросясь меня? Но ведь драгоценное время уходит. – Ладно, Уолтер, я тебя лупить не буду. А ты фасоль любишь? Наша Кэл здорово стряпает.

Уолтер стоял столбом и кусал губы. Мы с Джимом уже махнули на него рукой и почти дошли до Рэдли, и тут он заорал вдогонку:

– Эй, я с вами!

Когда Уолтер нас догнал, Джим завел с ним светский разговор.

– Тут живет злой дух, – сказал он дружески и показал на дом Рэдли. – Слышал про него?

– Как не слышать, – ответил Уолтер. – В первый год в школе я чуть не помер – наелся орехов, говорят, он их нарочно отравит да и кидает через забор.

Сейчас, когда мы шли втроем, Джим вроде совсем не боялся Страшилы Рэдли. Даже расхвастался.

– Один раз я подошел к самому дому, – сказал он Уолтеру.

– Некоторые подойдут один раз к самому дому, а потом мимо и то бегом бегают, – сказала я облакам в небе.

– Кто это бежит, мисс Придира?

– Ты бегаешь, когда один.

Пока мы дошли до нашего крыльца, Уолтер и думать забыл, что он Канингем. Джим побежал на кухню и сказал Кэлпурнии, чтоб поставила лишнюю тарелку: у нас гость. Аттикус поздоровался с Уолтером и завел разговор про урожай, а мы с Джимом ничего в этом не понимали.

– Я ведь почему сижу в первом классе, мистер Финч, мне каждую весну надо помогать отцу собирать хлопок, но теперь у нас еще один подросток, тоже может работать на плантации.

– Вы за него заплатили меру картофеля? – спросила я.

Аттикус поглядел на меня и покачал головой.

Уолтер стал накладывать себе еду, и все время, к нашему с Джимом удивлению, они с Аттикусом разговаривали, как равные. Аттикус толковал что-то про фермерское хозяйство, и вдруг Уолтер прервал его и спросил, нет ли у нас в доме патоки. Аттикус позвал Кэлпурнию, и она принесла кувшин с патокой. Она стояла и ждала, пока Уолтер нальет себе. Уолтер стал лить патоку на овощное рагу и на мясо. Он бы, наверно, и в стакан с молоком налил, но тут я спросила, что это он делает.

Он быстро отставил кувшин, даже серебряная подставка звякнула, и зажал руки в коленях. И понурился.

Аттикус посмотрел на меня и опять покачал головой.

– Так ведь он весь свой завтрак утопил в патоке, – сказала я. – Он все залил...

Тут-то Кэлпурния и пригласила меня на кухню. Кэлпурния была в бешенстве, а в бешенстве она всегда начинала говорить неправильно. В спокойном состоянии она разговаривала ничуть не хуже самых грамотных людей в Мейкомбе. Аттикус говорил – Кэлпурния образованнее почти всех цветных.

Она поглядела на меня, скосив глаза, и морщинки между бровей стали заметнее.

– Может, кто ест и не так, как мы, а все одно ты им за столом не перечь, – яростно зашептала она. – Этот малый – твой гость, захочет – пускай скатерть жует, а ты знай помалкивай, поняла?

– Да он не гость, Кэл, он просто Канингем...

– Не мели языком! Какое твое дело, кто он есть! Пришел в дом, значит, гость, и нечего нос задирать, смотри ты, какая важная выискалась! Родные твои, может, и получше Канингемов, да только ты их срамишь! Не умеешь вести себя за столом – ешь на кухне!

Увесистым шлепком Кэлпурния подтолкнула меня к дверям столовой. Я забрала свою тарелку и доела завтрак на кухне – хорошо, хоть не пришлось после такого унижения сидеть вместе со всеми. Кэлпурнии я сказала – ладно же, пускай только отвернется, вот пойду и брошусь в Заводь, тогда пожалеет. И потом, она уже меня сегодня втравила в беду, это все она виновата, зачем учила меня писать.

– А ну-ка помолчи! – сказала Кэлпурния.

Джим и Уолтер ушли в школу, не дождавись меня, – стоило задержаться и потом нестись одной во весь дух мимо дома Рэдли, лишь бы открыть Аттикусу глаза на злодеяния Кэлпурнии.

– И вообще она любит Джима больше меня, – сказала я под конец и предложила Аттикусу сейчас же ее прогнать.

– А ты не замечаешь, что Джим доставляет ей вдвое меньше хлопот? – сурово сказал Аттикус. – Я не намерен расставаться с Кэлпурнией ни сейчас, ни потом. Мы без Кэл дня прожить не можем, ты об этом когда-нибудь думала? Так вот, подумай, как она о тебе заботится, и изволь ее слушаться. Поняла?

Я вернулась в школу и сидела и ненавидела Кэлпурнию, как вдруг мои мрачные мысли прервал отчаянный крик. Я подняла голову. Посреди класса стояла мисс Кэролайн, ее всю перекосило от ужаса. За перемену она, видно, немного пришла в себя и взялась учить нас дальше.

– Живая! Живая! – визжала она.

Все мальчишки разом кинулись ей на выручку. Господи, подумала я, мыши испугалась! Чарли Литл, по прозвищу Коротышка, человек на редкость снисходительный ко всякой живой твари, даже к букашкам, спросил:

– Куда она побежала, мисс Кэролайн? Говорите скорей!.. Закрой-ка дверь, – велел он мальчишке, сидевшему за ним, – сейчас мы ее изловим. Скорей, мэм, скажите, куда она побежала?

Мисс Кэролайн показала трясущимся пальцем не на пол и не на свой стол, а на какого-то незнакомого мне верзилу. Коротышка нахмурился, но спросил мягко:

– Это вы про него, мэм? Ясно, он живой. Он вас напугал, что ли?

– Я прохожу, а у него по волосам ползет... прямо по волосам ползет... – еле выговорила мисс Кэролайн.

Коротышка расплылся до ушей.

– Ничего страшного, мэм. Эка невидаль – вошка! Садитесь спокойно за свой стол и поучите нас еще малость.

Коротышка тоже, как многие мейкомбские жители, не знал, когда ему в следующий раз случится поесть, зато он был прирожденный джентльмен. Он взял мисс Кэролайн под локоть и отвел к учительскому столу.

– Вы не беспокойтесь, мэм, – сказал он. – Вошек бояться нечего. Сейчас я вам принесу воды попить.

Хозяина вошки весь этот переполох нимало не встревожил. Он почесал голову, нащупал непрошеную гостью и двумя пальцами ее придавил.

Мисс Кэролайн не сводила с него расширенных от ужаса глаз. Коротышка принес ей воды в бумажном стаканчике, она с благодарностью выпила, и к ней наконец вернулся дар речи.

– Как тебя зовут, дружок? – кротко спросила она.

Верзила захлопал глазами.

– Кого? Меня?

Мисс Кэролайн кивнула.

– Баррис Юэл.

Мисс Кэролайн заглянула в список.

– У меня тут числится Юэл, а имени нет. Как пишется твое имя?

– Не знаю. Дома меня зовут Баррис – и все.

– Ну хорошо, Баррис, – сказала мисс Кэролайн. – Я думаю, мы тебя на сегодня освободим от занятий. Поди домой и вымой голову.

Она достала из ящика стола толстую книгу, перелистала и с минуту читала про себя.

– Хорошее домашнее средство от... Баррис, поди домой и вымой голову дегтярным мылом. А потом протри кожу керосином.

– Для чего это?

– Чтобы избавиться от... от вшей. Понимаешь ли, Баррис, от тебя могут заразиться другие дети, ты ведь этого не хочешь, правда?

Баррис встал. Первый раз в жизни я видела, чтоб человек был такой грязный. Шея темно-серая, руки шелушатся, под ногтями траур. Умыта у него была только самая серединка лица, величиной в ладонь. Раньше его никто не замечал – наверно, потому, что все утро класс развлекали мы с мисс Кэролайн.

– И, пожалуйста, Баррис, – прибавила мисс Кэролайн, – прежде чем прийти завтра в школу, прими ванну.

Верзила вызывающе захохотал:

– Думаете, вы меня прогнали, хозяйка? Я сам уйду. На нынешний год я уже отучился.

Мисс Кэролайн посмотрела на него с недоумением:

– Что ты хочешь сказать?

Он не ответил, только презрительно фыркнул.

– Он из Юэлов, мэм, – объяснил кто-то из самых старших ребят, и я подумала – она все равно не поймет, не поняла же, когда я сказала про Канингемов. Но мисс Кэролайн слушала внимательно. – У нас полна школа Юэлов. Они каждый год приходят в первый день, а потом бросают. В первый день это их инспекторша заставляет, потому что грозитесь шерифом, а дальше она ничего не может. Она думает, в список их записала, в первый день в школу

загнала – ну и по закону все в порядке. А вы потом круглый год отмечайте – мол, на уроках не был, и все...

Мисс Кэролайн и удивилась, и огорчилась.

– Но что же смотрят их родители?

– Мать у них померла, – был ответ, – а отцу наплевать.

Баррису Юэлу этот разговор явно польстил.

– Я в первый класс третий год хожу, – гордо сказал он. – Коли изловчусь, так на тот год во второй переведут.

– Пожалуйста, садись, Баррис, – сказала мисс Кэролайн.

Вот тут она дала маху. До сих пор Юэл все терпел, а теперь разозлился.

– Как бы не так!

Коротышка встал.

– Отпустите его, мэм, – посоветовал он. – Он подлый парень, просто подлый. Еще заварит кашу, а у нас тут есть маленькие.

Коротышку самого-то было от земли не видать, но, когда Баррис Юэл обернулся к нему, он быстро сунул руку в карман.

– Ну, ну, полегче, – предостерег он, – а то ты у меня сдохнешь – не охнешь. Топай отсюда.

Баррис, кажется, испугался мальчонки вдвое меньше себя, и мисс Кэролайн воспользовалась его минутной растерянностью.

– Иди домой, Баррис, – сказала она. – Не то тебе придется иметь дело с директором. Так или иначе, я должна буду ему обо всем доложить.

Юэл фыркнул и неторопливо, нога за ногу, двинулся к выходу. Отошел на безопасное расстояние, обернулся и крикнул:

– И докладывай, черт с тобой! Нашлась училка сопливая, видали мы таких. Думает, она меня выгнала. Это я сам ушел, так и запомни! Захотел – и ушел.

Он выждал еще минуту, уверился, что она плачет, и только тогда, лениво шаркая ногами, вышел вон из класса.

Мы все сгрудились вокруг учительского стола и, кто как мог, утешали мисс Кэролайн – подлый этот Юэл... не по-честному... таких и учить нечего... это не по-мейкомбски, мисс Кэролайн, наши так не поступают... да вы не горюйте, мэм... мисс Кэролайн, может, вы нам еще почтаете? Вот про кошек было очень даже интересно...

Мисс Кэролайн улыбнулась, громко высморкалась, сказала: «Спасибо, мои милые, теперь садитесь по местам», раскрыла книгу и повергла весь первый класс в недоумение длиннейшим рассказом про жабу, которая почему-то жила в доме.

Когда мне в четвертый раз за этот день пришлось миновать дом Рэдли (и уже второй раз – галопом), настроение у меня было самое мрачное, под стать этому дому. Если весь школьный год будет так же насыщен бурными переживаниями, как первый день, это, пожалуй, даже занятно, но если при этом целых девять месяцев нельзя будет ни читать, ни писать, так уж лучше я удеру.

Под вечер мой план был готов, когда мы побежали встречать Аттикуса, я даже не старалась перегнать Джима. Мы всегда встречали Аттикуса после работы и бежали к нему, как только он показывался из-за угла почты. Аттикус, видно, забыл, что днем я впала в немилость, и забросал меня вопросами про школу. Я отвечала нехотя, и он не стал настаивать.

Кэлпурния, видно, поняла, что у меня был тяжелый день, и позволила мне посмотреть, как она собирает к ужину.

– Закрой глаза и открой рот, – сказала она.

Она не часто баловала нас хрустящими хлебцами и вечно говорила – некогда, но сегодня мы оба ушли в школу, и у нее-то день был легкий. Она знала, как я люблю хрустящие хлебцы.

– Соскучилась я, – сказала она. – В доме стало так пусто, пришлось часа в два включить радио.

– А почему? Мы с Джимом все равно дома не сидим, вот только если дождь...

– Ну да, – сказала Кэлпурния, – но если кликнуть, кто-нибудь да прибежит. Я полдня только и делаю, что вас кличу. Что ж, – прибавила она, поднимаясь с табурета, – пожалуй, я как раз успею подсушить хлебцы. А теперь беги, не мешай мне накрывать на стол.

Она наклонилась и поцеловала меня. Что это на нее нашло, подумала я на бегу. Видно, сама знает, что виновата, и хочет мириться. Всегда ко мне придиралась, а теперь поняла наконец, что это несправедливо, пожалела, а прямо сказать не хочет, потому что упрямая. За этот день я устала от незаслуженных обид.

После ужина Аттикус сел в кресло, взял газету и позвал:

– Будем читать, Глазастик?

Этого я уже не могла вытерпеть и ушла на веранду. Аттикус вышел следом.

– Что случилось, Глазастик?

Я сказала – мне нездоровится и, если он не против, я в школу больше не пойду.

Аттикус сел на качели, закинул ногу на ногу и сунул руку в кармашек для часов; он всегда уверял, что так ему лучше думается. Он молча, сочувственно ждал, и я решила укрепить свои позиции.

– Ты ведь не учился в школе – и ничего, ну и я не буду. Ты меня сам учи, вот как дедушка учил вас с дядей Джеком.

– Не могу, – сказал Аттикус. – Мне надо зарабатывать на хлеб. И потом, если ты не станешь ходить в школу, меня посадят в тюрьму. Так что прими сегодня магнезию, а завтра пойдешь учиться.

– Да нет, я здорова.

– Так я и думал. А что же случилось?

Слово за слово я рассказала ему про все мои злоключения.

– ...и она говорит, ты меня учил неправильно, и нам никогда-никогда больше нельзя читать. Пожалуйста, больше не посылай меня в школу, ну пожалуйста!

Аттикус поднялся и пошел в другой конец веранды. Он долго и старательно изучал там ветку глицинии, потом вернулся ко мне.

– Прежде попробуй выучиться одному нехитрому фокусу, Глазастик, – сказал он. – Тогда тебе куда легче будет ладить с самыми разными людьми. Нельзя по-настоящему понять человека, пока не станешь на его точку зрения...

– Это как?

– Надо влезть в его шкуру и походить в ней.

Еще Аттикус сказал – я сегодня многому научилась, и мисс Кэролайн тоже кое-чему научилась. Например, не предлагать Канингемам подаяния; но, если бы Уолтер и я влезли в ее шкуру, мы бы поняли, что это она не в обиду, а по ошибке. Не может же она в один день привыкнуть ко всем мейкомбским обычаям, и не надо ее винить, если она чего-то не знает.

– Провалиться мне! – сказала я. – Вот я не знала, что ей не нравится, когда читают, а она меня винила... Слушай, Аттикус, мне совсем ни к чему ходить в школу! – вдруг догадалась я. – Я же тебе сказала про Барриса Юэла! Он приходит только в первый день. Инспекторша записывает его в список – и по закону все в порядке...

– Это не годится, Глазастик, – сказал Аттикус. – Иногда, в особых случаях, закон можно обойти. В твоем случае закон неумолим. Так что придется тебе ходить в школу.

– А почему Юэлу можно, а мне нельзя?

– Ну, слушай.

И Аттикус сказал – Юэлы всегда были позором для Мейкомба, уже целых три поколения. Сколько он помнит, ни один Юэл дня не жил честным трудом. Вот когда-нибудь на Рождество,

когда будем прибираться после праздника, он возьмет меня с собой и покажет, где и как они живут. Они живут не как люди, а как животные.

– Будь у них хоть на грош желания учиться, они всегда могли бы ходить в школу, – сказал Аттикус. – Можно, конечно, и силой их заставить, но это глупо – силой тащить таких людей, как Юэлы, туда, куда им не хочется...

– Так ведь если я завтра не пойду в школу, ты меня тоже силой потащишь.

– Довольно об этом, – сухо сказал Аттикус. – Ты такой же человек, как все, мисс Глазастик Финч. И веди себя, как положено по закону.

Он сказал – Юэлы не такие, как все, у них свои нравы. При некоторых обстоятельствах обыкновенные люди благоразумно предоставляют им кое-какие преимущества, попросту говоря, смотрят сквозь пальцы на некоторые их поступки. К примеру, позволяют Юэлам не ходить в школу. Или еще: Бобу Юэлу, отцу Барриса, разрешают стрелять дичь и расставлять силки даже не в охотничий сезон.

– Но это очень плохо, Аттикус! – сказала я.

В округе Мейкомб охота в неположенное время преследуется по закону, и все жители тоже не прощают виновникам.

– Да, конечно, это незаконно, – сказал мой отец, – и что это плохо – тоже верно. Но когда человек все пособие пропивает, его дети очень горько плачут от голода. Я не знаю у нас в округе такого землевладельца, который пожалел бы для этих детей зайца, даже если их отец и поймает его незаконно.

– А все-таки мистер Юэл нехорошо делает...

– Конечно, нехорошо, но он никогда не исправится. Разве от этого ты станешь осуждать и его детей?

– Нет, сэр, – пробормотала я. Потом сделала последнюю попытку: – Но если я буду ходить в школу, мы никогда больше не сможем читать...

– Это тебя сильно огорчает?

– Да, сэр.

Аттикус как-то по-особенному поглядел на меня, и я насторожилась.

– Ты знаешь, что такое компромисс? – спросил он.

– Это когда обходят закон?

– Нет, когда уступают друг другу и таким образом приходят к соглашению. К примеру, если ты согласишься учиться в школе, мы с тобой будем каждый вечер читать, как прежде. Договорились?

– Да, сэр!

– Можно обойтись и без обычных формальностей, – сказал Аттикус, увидав, что я собираюсь плюнуть ему на ладонь.

Когда я уже отворила дверь, он сказал вдогонку:

– Кстати, Глазастик, в школе лучше не упоминай о нашем с тобой уговоре.

– А почему?

– Боюсь, что наша деятельность не встретит одобрения высших авторитетов.

– Это как?

Мы с Джимом давно привыкли, что отец говорит языком завещаний и кодексов, и, если не понимали какого-нибудь выражения, всегда имели право перебить его и спросить, что это значит по-человечески.

– Я никогда не ходил в школу, – сказал Аттикус, – но боюсь, если мисс Кэролайн услышит, что мы с тобой каждый вечер читаем, она напустится уже на меня, а этого мне совсем не хочется.

Весь этот вечер мы с Джимом хохотали до упаду, потому что Аттикус с невозмутимым видом читал нам длинный рассказ про человека, который неизвестно почему взобрался на

флагшток и не хотел слезать, и после этого Джим решил всю субботу просидеть в нашем домике на платане. Он забрался туда после завтрака и не слезал до захода солнца, не слез бы и на ночь, но Аттикус перерезал коммуникации и прервал снабжение. Весь день я лазила на платан и бегала обратно в дом по поручениям Джима, таскала ему книжки, еду, питье, а когда несла на ночь одеяло, Аттикус сказал – если не обращать на Джима внимания, он слезет.

И Аттикус был прав.

Глава 4

В школе мои дела и дальше шли не лучше, чем в первый день. В благих, но напрасных стараниях обучить меня «групповому действию» штат Алабама извел целые мили бумаги и вагоны карандашей, а грандиозный план никак не претворялся в жизнь. К концу моего первого учебного года то, что Джим называл «Десятичной системой Дьюи», распространилось уже на всю школу, так что мне не пришлось сравнить ее с другими методами преподавания. Но было и еще с чем сравнивать: Аттикус и дядя Джек когда-то учились дома, а знали все на свете – во всяком случае, чего не знал один, то знал другой. И ведь отца столько лет подряд выбирали в законодательное собрание штата, и каждый раз единогласно, а он понятия не имел о хитроумных приемах, без которых, как полагали мои учителя, нельзя воспитать хорошего гражданина. Джима учили наполовину по «десятичной системе», а наполовину по самой обыкновенной – просто заставляли ломать голову над трудными задачками, и он как будто неплохо действовал что в группе, что в одиночку; но по Джиму судить нельзя: еще не родился на свет человек, который придумал бы, как удержать его от чтения. Ну а я знала только то, что вычитала из журнала «Тайм» и из всякой печатной страницы, какая дома попадалась мне под руку, а в классе еле-еле тянула лямку, в которую нас впрягла новая педагогическая система, принятая округом Мейкомб, и все время мне казалось, что меня обкрадывают. Как и почему, я не понимала, но все-таки зачем это нужно, чтобы я двенадцать лет подряд помирала со скуки?

Весь этот год уроки у меня кончались на полчаса раньше, чем у Джима – он учился до трех часов, – и я одна мчалась во весь дух мимо дома Рэдли и останавливалась только на нашей веранде, где мне уже ничто не грозило. Но однажды я на бегу заметила нечто такое, что задохнулась от неожиданности, огляделась по сторонам и повернула назад.

На самом краю участка Рэдли росли два виргинских дуба; корни их выползали на дорогу, она была вся неровная, горбатая. И вдруг в стволе одного дуба что-то блеснуло.

Из ямки, откуда выпал сучок, мне подмигивал, сверкая на солнце, комочек серебряной фольги. Я поднялась на цыпочки, еще раз торопливо оглянулась и вытащила два пакетика жевательной резинки без верхней бумажной обертки.

Я чуть было не сунула их сразу в рот, да вспомнила, где я. Побежала домой и уже на веранде осмотрела мою добычу. По виду жвачка была совсем свежая. Понюхала – пахнет вкусно. Я лизнула жвачку и подождала немножко. Осталась жива – и сунула всю ее в рот. Это была «двойная мятная».

Пришел из школы Джим и сразу спросил, что это я жую и где столько взяла. Я сказала – нашла.

– Что найдешь, есть нельзя.

– Так ведь я не на земле нашла, а в дупле.

Джим недоверчиво хмыкнул.

– Нет, правда, – сказала я. – Вон на том дубе, который поближе к школе.

– Выплюнь сейчас же!

Я выплюнула. Все равно в жвачке почти уже не осталось никакого вкуса.

– Я полдня ее жую и еще не умерла, меня даже не тошнит.

Джим топнул ногой:

– Ты что, не знаешь, что те деревья даже трогать нельзя? Помрешь!

– Ты ведь тогда тронул стену!

– Это другое дело! Иди полощи горло сейчас же, слышишь?

– Не хочу, тогда весь вкус во рту пройдет.

– Не станешь полоскать – скажу Кэлпурнии.

Пришлось послушаться Джима: с Кэлпурнией связываться не хотелось. Почему-то с тех пор, как я пошла в школу, наши отношения совсем изменились: Кэлпурния уже не тиранила меня, не придиралась и не мешалась в мои дела, а только потихоньку на меня ворчала. А я иной раз шла на большие жертвы, лишь бы ее не сердить.

Близилось лето; мы с Джимом никак не могли его дожидаться. Это была наша любимая пора: летом ночуешь на раскладушке на задней веранде, затянутой сеткой от moskitov, или даже пробуешь спать в домике на платане; летом столько вкусного в саду, и все вокруг под жарким солнцем горит тысячами ярких красок; а главное, лето – это Дилл.

В последний день учения нас отпустили из школы пораньше, и мы с Джимом шли домой вместе.

– Может, завтра приедет Дилл, – сказала я.

– Наверно, послезавтра, – сказал Джим. – У них, в штате Миссисипи, распускают на день позже.

Когда мы подошли к виргинским дубам на участке Рэдли, я показала пальцем на то дупло от сучка – сто раз я говорила Джиму, может, он наконец поверит, что тут-то я и нашла жевательную резинку, – и вдруг опять увидела блестящую серебрушку.

– Вижу, Глазастик! Вижу!..

Джим огляделся по сторонам, схватил аккуратный блестящий пакетик и сунул в карман. Мы побежали домой и на веранде стали разглядывать находку. В несколько слоев фольги от жевательной резинки была старательно завернута маленькая коробочка. В таких бывают венчальные кольца – бархатная, красная, с крохотной защелкой. Джим открыл ее. Внутри, одна на другой, лежали две начищенные до блеска монетки, в пенни каждая. Джим оглядел их со всех сторон.

– Индейская голова, – сказал он. – Смотри, Глазастик, одна – тысяча девятьсот шестого года, а одна – тысяча девятисотого. Старинные!

– Тысяча девятисотого, – эхом повторила я. – Слушай, Джим...

– погоди, дай подумать.

– Джим, по-твоему, это чей-нибудь тайник?

– Нет. Тут, кроме нас, никто и не ходит, только если кто-нибудь из больших...

– У больших тайников не бывает. Джим, ты думаешь, нам можно оставить их себе?

– Сам не знаю, Глазастик. Ведь неизвестно, кому их отдавать. Тут никто не ходит, я точно знаю... Сесил делает крюк через весь город.

Сесил Джейкобс жил в дальнем конце нашей улицы, в доме за почтой, и каждый день топал лишнюю милю⁸, лишь бы не проходить мимо Рэдли и миссис Генри Лафайет Дюбоз. Миссис Дюбоз жила через два дома от нас; все соседи в нашем квартале сходились на том, что свет не знал другой такой мерзкой старухи. Джим ни за что не пошел бы мимо ее дома один, без Аттикуса.

– Как же нам быть, Джим?

Находку полагается хранить – вдруг отыщется хозяин, и только если не отыщется, тогда она твоя. Сорвать иной раз камелию в саду мисс Моды Эткинсон, или в жаркий день глотнуть парного молока от ее коровы, или полакомиться чужим виноградом у нас вовсе не считалось нечестным, но деньги – дело другое.

– Знаешь что, – сказал Джим, – пускай они побудут у нас до осени, и тогда мы спросим всех ребят. Наверно, это кто-нибудь из загородных спрятал, а сегодня спешил после школы на автобус – и позабыл про них. Хозяин у них есть, уж это точно. Видишь, как он их начистил? Он их бережет.

– Ну ладно, а жвачку он зачем прятал? Она ведь долго лежать не может.

⁸ Миля (сухопутная) – единица длины, равная приблизительно 1,6 км.

– Не знаю, Глазастик. А только эти монетки, наверно, кто-то не зря спрятал, они со значением...

– Это как?

– Понимаешь, на них индейская голова... в общем они от индейцев. Они заколдованные, понимаешь, и приносят счастье. И не то что на обед вдруг будет жареная курица, а настоящее – чтоб долго жить, или там быть всегда здоровым, или не провалиться на контрольной, – в общем вроде этого... и кому-то они очень нужны. Я их пока спрячу к себе в сундучок.

Но прежде чем пойти к себе, Джим еще долго глядел на дом Рэдли. Видно, опять думал.

Через два дня приехал Дилл, гордый и торжествующий: он сам ехал поездом от Мериديана до станции Мейкомб (эта станция только так называется, а на самом деле она находится в округе Эббот), и там его встретила мисс Рейчел в единственном такси нашего города; и он обедал в вагоне-ресторане и видел двух сиамских близнецов, они сошли с поезда в Бэй-Сент-Луис – как мы на него ни кричали, он клялся, что все это чистая правда. Вместо ужасных голубых штанов, пристегнутых пуговицами к рубашке, он теперь носил настоящие шорты и кожаный пояс; он не вырос, но стал как-то плотнее; и он сказал, что видел своего отца. Его отец выше нашего, и у него остроконечная черная борода, и он президент железнодорожной компании Луисвил – Нэшвил.

– Я немножко помогал машинисту, – сказал Дилл и зевнул.

– Так тебе и поверили, – сказал Джим. – Молчи уж лучше. Во что будем играть?

– В Тома, Сэма и Дика, – сказал Дилл. – Идем в палисадник.

Дилл хотел играть в братьев Роувер, потому что там все три роли благородные. Ему явно надоело играть в наших представлениях характерные роли.

– Они мне надоели, – сказала я.

Мне надоела роль Тома Роувера: он посреди кино вдруг теряет память, и больше про него ничего не сказано, только в самом конце его находят где-то на Аляске.

– Придумай что-нибудь новое, Джим, – сказала я.

– Надоело мне придумывать.

Каникулы только начались, а нам уже все надоело. Какое же у нас получится лето?

Мы поплелись в палисадник, Дилл выглянул на улицу и уставился на мрачный дом Рэдли.

– Я... чую... смерть, – сказал он.

Я прикрикнула на него, но он стоял на своем:

– Правда чую.

– Это как? Кто-то умирает, а ты его можешь издали унюхать?

– Нет, не так: я понюхаю – и знаю, умрет этот человек или нет. Меня одна старушка научила. – Дилл вытянул шею и понюхал меня. – Джин... Луиза... Финч, – сказал он с расстановкой, – ты умрешь через три дня.

– Замолчи, а то я тебя так отлуплю, век будешь помнить. Вот как дам...

– Хватит тебе, – заворчал Джим. – Можно подумать, что ты веришь в жар-пар.

– А то, может, ты не веришь, – сказала я.

– Что это за жар-пар? – спросил Дилл.

– Знаешь, как бывает – идешь вечером по дороге, кругом никого нет, и вдруг попадаешь в жаркое место, – стал объяснять Джим. – Жар-пар – это если человек умер, а на небо ему не попасть, он и шатается по пустым дорогам, где никого нет, и, если на него налетишь, после смерти сам будешь такой, будешь шататься по ночам и высасывать дух из живых людей...

– А как же его обойти?

– Никак не обойдешь, – сказал Джим. – Иногда он возьмет да и загородит всю дорогу. Но если непременно надо пройти, ты только скажи: «Жив, не помер, свет души, пропусти, не задуши». Тогда он не обернется вокруг тебя и...

– Не верь ему, Дилл, – сказала я. – Кэлпурния говорит, это все просто негритянские сказки.

Джим грозно посмотрел на меня, но сказал только:

– Так что ж, будем мы сегодня играть или нет?

– Давайте кататься в колесе, – предложила я.

Джим вздохнул.

– Ты же знаешь, мне в него уже не влезть.

– Будешь толкать.

Я сбегала за дом, вытащила из-под заднего крыльца старую автопокрышку и прикатила в палисадник.

– Чур, я первая, – сказала я.

Дилл сказал – лучше он будет первый, ведь он только приехал.

Джим рассудил нас: я буду первая, а Дилл покатается подольше, и я свернулась клубком внутри покрышки.

До последней минуты я не догадывалась, что Джим разозлился, как это я засторила с ним про жар-пар, и только и ждал случая мне отплатить. Он толкнул колесо изо всей силы, и оно понеслось по тротуару. Земля, небо, дома в бешеном круговороте слились у меня перед глазами, в ушах шумело, я задыхалась. Высвободить руки и затормозить я не могла, они у меня были прижаты коленками к груди. Оставалась одна надежда, может, Джим обгонит меня или колесо запнется о какой-нибудь выступ на тротуаре. Я слышала – Джим с криком мчится вдогонку.

Колесо наскочило на кучу щебня, свернуло вбок, перекатилось через дорогу, с размаху стукнулось обо что-то, и я вылетела на мостовую, как пробка из бутылки. Меня тошнило, голова кружилась; лежа на асфальте, я затрясла головой, хлопнула ладонями по ушам, чтоб все стихло и стало на место, и услышала крик Джима:

– Беги, Глазастик! Скорей!

Я подняла голову – передо мной было крыльцо Рэдли. Я так и застыла.

– Вставай скорей! – вопил Джим. – Чего ты там застряла?

Уж не знаю, как я встала, ноги подкашивались.

– Колесо захвати! – орал Джим. – Тащи его сюда. Ошалела ты, что ли?

Наконец я вышла из оцепенения и кинулась к ним, хоть у меня и дрожали коленки.

– А колесо?! – закричал Джим.

– Сам бери! – крикнула я в ответ.

Джим сразу замолчал.

– Поди да возьми, оно прямо за воротами. В тот раз ты даже стену тронул, помнишь?

Джим с яростью посмотрел на меня, но вывернуться не мог, побежал по тротуару, замешкался в воротах, потом ринулся во двор и вернулся с колесом.

– Видала? – Он смотрел презрительно и торжествующе. – Раз-два – и готово. Ей-богу, Глазастик, ты иногда ведешь себя, как самая настоящая девчонка, даже противно.

Он кое-чего не знал, но я решила – не скажу.

В дверях появилась Кэлпурния и закричала:

– Лимонад пить! Идите скорей в тень, пока не изжарились живьем!

Летом так было заведено: когда солнце поднимется высоко, пить лимонад. Кэлпурния вынесла на веранду кувшин и три стакана и пошла заниматься своими делами. Я не особенно огорчалась, что Джим на меня злится. Выпьет лимонаду – и пообреет.

Джим проглотил залпом второй стакан и хлопнул себя по животу.

– Придумал! – объявил он. – Играем в новую игру, такой еще не бывало!

– Во что? – спросил Дилл.

– В Страшилу Рэдли.

Иногда я видела Джима насквозь: он придумал это, чтоб доказать мне, что он никаких Рэдли не боится, он храбрый герой, а я трусиха.

– В Страшилу Рэдли? Это как? – спросил Дилл.

Джим сказал:

– Глазастик будет миссис Рэдли...

– Это мы еще посмотрим, – начала я. – Во-первых...

– Ты чего? – сказал Дилл. – До сих пор боишься?

– А может, он выйдет ночью, когда мы все спим... – сказала я.

Джим зашипел на меня:

– Откуда ему знать, во что мы играем? И вообще его там, наверно, уже нет. Он умер сто лет назад, и они его запихали в каминную трубу.

– Давай с тобой играть, а Глазастик, если боится, пускай смотрит, – сказал Джиму Дилл.

Я прекрасно знала, что Страшила Рэдли сидит у себя дома, но доказать не могла, приходилось держать язык за зубами, а то опять скажут – я верю в жар-пар, а я среди бела дня про него и не думаю.

Джим распределил роли: я – миссис Рэдли, мое дело выходить и подметать крыльцо. Дилл – старик Рэдли: он ходит взад-вперед по тротуару, а когда Джим с ним заговорит, он в ответ только кашляет. Джим, конечно, сам Страшила, он прячется под парадным крыльцом и время от времени визжит и воет.

Лето шло своим чередом, и наша игра тоже. Мы ее отделявали и шлифовали, придумывали все новые диалоги и сюжетные повороты и наконец сочинили настоящую пьеску, которую разыгрывали каждый день на новый лад.

Дилл получался злодеем из злодеев: он всегда вживался в любую характерную роль и в решающие минуты, если надо, даже становился выше ростом. Он не уступал самым худшим своим героям, а это были отпетые разбойники и варвары. Я без особой охоты исполняла все женские роли. На мой взгляд, это представление было куда скучнее Тарзана, и все лето меня не оставляла тревога, хоть Джим и уверял, что Страшила Рэдли давно умер и ничего со мной не случится, ведь целый день и он, и Кэлпурния под боком, а ночью и Аттикус дома.

Джим родился героем.

Обрывки сплетен и слухов, издавна повторявшихся в нашем квартале, мы связали в настоящую драму: миссис Рэдли когда-то была красавицей, но потом вышла замуж за мистера Рэдли и потеряла все свои деньги. Она потеряла также почти все зубы, волосы и указательный палец правой руки (это присочинил Дилл: однажды ночью, когда Страшиле не удалось поймать на обед ни одной белки и кошки, он отгрыз у матери палец); целыми днями она сидит в гостинной и плачет, а Страшила строгаёт ножом столы и стулья, и когда-нибудь в доме совсем не останется мебели, одни только стружки.

Потом мы все трое изображали мальчишек, попавшихся в хулиганстве; я для разнообразия играла роль судьи; Дилл уводил Джима, заталкивал его под крыльцо и тыкал в него шваброй. По ходу дела Джим вновь появлялся – уже в роли шерифа, толпы горожан или мисс Стивени Кроуфорд, которая могла порассказать про семейство Рэдли больше всех в Мейкомбе.

Когда наступал черед коронного номера Страшилы, Джим прокрадывался в дом, уловив минуту, тайком от Кэлпурнии хватал из ящика швейной машины ножницы, возвращался на веранду, садился на качели и начинал резать газету. Дилл шел мимо и кашлял в сторону Джима, и Джим делал вид, что вонзает ножницы ему в бедро. С того места, где стояла я, все это вполне можно было принять за чистую монету.

Каждый день, когда мистер Натан Рэдли проходил мимо, направляясь, по обыкновению, в центр города, мы замолкали на полуслове и не двигались, пока он не скрывался из виду. Что бы он с нами сделал, если б заподозрил?.. Стоило появиться любому из соседей, и мы прерывали

игру, но один раз я увидела – стоит напротив мисс Моды Эткинсон с садовыми ножницами в руках и, забыв про недостриженную живую изгородь, смотрит на нас во все глаза.

Однажды мы уж очень увлеклись, разыгрывая главу двадцать пятую тома второго нашего романа «Одно семейство», и не заметили, как вернулся к завтраку Аттикус – он стоял на тротуаре, похлопывал себя по колену свернутым в трубку журналом и смотрел на нас. Солнце поднялось высоко, был уже полдень.

– Что это у вас за игра? – спросил Аттикус.

– Ничего, – сказал Джим.

По его уклончивому ответу я догадалась, что наша игра – секрет, и не стала вмешиваться.

– А для чего тебе ножницы? И почему ты рвешь газету? Если это сегодняшняя, я тебя выдеру.

– Ничего.

– Что «ничего»?

– Ничего, сэр.

– Дай сюда ножницы, – сказал Аттикус. – Это не игрушка. Все это, случаем, не имеет отношения к Рэдли?

– Нет, сэр, – сказал Джим и покраснел.

– Надеюсь, что так, – коротко сказал Аттикус и ушел в дом.

– Джи-им...

– Молчи! Он пошел в гостиную, там все слышно.

Когда мы очутились в безопасности на задворках, Дилл спросил Джима: разве нам больше нельзя играть в Страшилу?

– Не знаю, Аттикус не сказал, что нельзя...

– Джим, – сказала я, – по-моему, Аттикус все равно все знает.

– Нет, не знает. А то бы он так и сказал.

Я вовсе не была в этом уверена, но Джим сказал – вся беда в том, что я девчонка, девчонки вечно воображают невесту, поэтому их все терпеть не могут, и, если хочешь быть настоящей девчонкой, можешь убираться и играть с кем-нибудь другим.

– Ладно, – сказала я. – Можешь играть в Страшилу. Увидишь, что будет.

Что нас застал Аттикус – это была уже вторая причина, почему мне захотелось играть. Первая появилась в тот день, когда я вкатилась в колесе во двор к Рэдли. Я трясла головой, меня мучило, от воплей Джима звенело в ушах, и все-таки я расслышала тогда еще один звук, совсем тихий, с тротуара его слышно не было. В доме кто-то смеялся.

Глава 5

Я так и знала, что дойму Джима, – в конце концов ему это надоело, и, к моему великому облегчению, мы забросили игру в Страшилу. Правда, Джим уверял, что Аттикус вовсе ее не запрещал, стало быть, можно продолжать; а если бы Аттикус и запретил, есть выход: возьмем и назовем всех по-другому, и тогда нам никто ничего не сможет сказать.

Дилл очень обрадовался такому плану действий. Вообще Дилл совсем прилип к Джиму, и я стала злиться. Еще в начале лета он сказал – выходи за меня замуж, но очень скоро про это забыл. Как будто участок застолбил и я его собственность: сказал, что всю жизнь будет любить одну меня, а потом и внимания не обращает. Я его два раза поколотила, но это не помогло, он только больше подружился с Джимом. Они с утра до вечера торчали в домике на платане, что-то затевали и выдумывали и звали меня, только когда им нужен был третий. Но от самых сумасбродных затей я и без того на время отошла, хоть меня и могли за это обозвать девчонкой, и почти все оставшиеся летние вечера просиживала на крыльце мисс Моды Эткинсон.

Нам с Джимом всегда позволяли бегать по двору мисс Моды при одном условии – держаться подальше от ее азалий, но отношения у нас с ней были какие-то неопределенные. Пока Джим с Диллом не начали меня сторониться, она для меня была просто соседка и соседка, только, пожалуй, добрее других.

По молчаливому уговору с мисс Моды мы имели право играть у нее на лужайке, есть виноград (только не обрывать ветки с подпор) и пускаться в экспедиции по всему участку за домом – условия самые великодушные, и мы даже редко с нею заговаривали, боялись нечаянно нарушить хрупкое равновесие этих отношений; но Джим и Дилл повели себя так, что я поневоле сблизилась с мисс Моды.

Мисс Моды терпеть не могла свой дом: время, проведенное в четырех стенах, она считала загубленным. Она была вдова и при этом женщина-хамелеон: когда копалась в саду, надевала старую соломенную шляпу и мужской комбинезон, а в пять часов вечера, после ванны, усаживалась на веранде, точно королева нашей улицы, – нарядная, красивая и величественная.

Она любила все, что растет на земле, даже сорную траву. Но было одно исключение. Стоило ей обнаружить у себя во дворе хоть один подорожник – и начиналась новая битва на Марне⁹: мисс Моды устремлялась на врага с жестянкой и поливала его корни какой-то ядовитой жидкостью, – мы непременно отравимся насмерть, если не будем держаться подальше, говорила она.

– А разве нельзя его просто выдернуть? – спросила я один раз, когда у меня на глазах разыгралось целое сражение с жалким росточком высотой едва в три дюйма¹⁰.

– Выдернуть, детка? Ты говоришь, выдернуть? – Мисс Моды подняла обмякший побег и провела по нему большим пальцем снизу вверх. Из него посыпались крохотные зернышки. – Да один такой побег может загубить целый огород. Смотри. Осенью семена подсохнут и ветер разнесет их по всей округе!

Лицо у мисс Моды стало такое, словно речь шла по меньшей мере о чуме египетской.

Не в пример прочим жителям Мейкомба, мисс Моды всегда говорила живо и решительно. Каждого из нас она называла полным именем; когда она улыбалась, во рту у нее возле глазных зубов сверкали два крохотных золотых выступа. Один раз я стала восхищаться ими и сказала – может, когда вырасту, у меня тоже будут такие.

⁹ У реки Марны во время Первой мировой войны (1914–1918) французские войска дважды одержали победу над германской армией.

¹⁰ Дюйм – единица длины, равная 2,5 см.

– Смотри! – сказала мисс Моды и, шелкнув языком, великодушно показала мне, как вынимается ее вставная челюсть, чем окончательно скрепила нашу дружбу.

Доброта мисс Моды распространялась и на Джима и Дилла в редкие минуты, когда они не были заняты своими таинственными делами: мы пожинали плоды талантов мисс Моды, прежде нам неизвестных. Никто во всем нашем квартале не умел печь такие вкусные пироги. С тех пор как между нами установились отношения полного доверия, она всякий раз кроме большого пирога пекла еще три маленьких и потом кричала через улицу:

– Джим Финч, Глазастик Финч, Чарлз Бейкер Харрис, подите сюда!

Мы тотчас являлись на зов и всегда бывали вознаграждены.

Летом сумерки длинные и тихие. Чаще всего мы с мисс Моды молча сидели вдвоем у нее на веранде и смотрели, как заходит солнце, и небо становится желтое, потом розовое, и ласточки летают совсем низко и скрываются за крышей школы.

– Мисс Моды, – сказала я раз в такой вечер, – как вы думаете, Страшила Рэдли еще жив?

– Его зовут Артур, и он жив, – сказала мисс Моды, медленно покачиваясь в большом дубовом кресле-качалке. – Чувствуешь, как сегодня пахнет моя мимоза? Прямо как в раю.

– Угу. А откуда вы знаете?

– Что именно, детка?

– Что Стр... мистер Артур еще жив?

– Какой мрачный вопрос! Впрочем, это, наверно, потому, что предмет мрачный. Я знаю, что он жив, Джин-Луиза, потому что я пока не видела, чтобы его вынесли из его дома.

– А может, он умер и его запихнули в каминную трубу.

– С чего ты взяла?

– Джим говорил.

– Гм-гм... Он с каждым днем становится все больше похож на Джека Финча.

Нашего дядю Джека Финча, брата Аттикуса, мисс Моды знала с детства. Почти ровесники, они вместе росли на «Пристани Финча». Отец мисс Моды, доктор Фрэнк Бьюфорд, был давний сосед Финчей. По профессии врач, по призванию садовод и огородник, он без памяти любил копать в земле и потому остался бедняком. А дядя Джек этой своей страсти воли не давал, цветы растил только на подоконнике у себя в Нэшвиле и потому остался богатым. Каждый год на Рождество дядя Джек приезжал к нам в гости и каждый год во все горло орал через улицу мисс Моды, чтобы она выходила за него замуж. А мисс Моды орала в ответ:

– Кричи громче, Джек Финч, чтоб на почте слышали, а то мне тебя не слышать!

Нам с Джимом казалось, что это странный способ делать предложение, но дядя Джек вообще был со странностями. Он говорил – это он старается разозлить мисс Моды, сорок лет старается и все никак не разозлит, и мисс Моды нипочем бы за него не вышла, она только всегда его дразнит, и от ее насмешек одна защита – нападать, и все это нам казалось ясно и понятно.

– Артур Рэдли просто сидит у себя дома, только и всего, – объяснила мне мисс Моды. – Если бы тебе не хотелось выходить на улицу, ты тоже сидела бы дома, верно?

– Ага, но мне все равно захотелось бы на улицу. А ему почему не хочется?

Мисс Моды прищурилась.

– Ты всю эту историю знаешь не хуже меня.

– Но я не знаю, почему так. Мне никто не говорил.

Мисс Моды языком поправила вставную челюсть.

– Ты ведь знаешь, старик Рэдли был из баптистов, которые омывают ноги...

– Так ведь вы тоже из них?

– Я не такая твердокаменная, Глазастик. Я просто баптистка.

– А просто баптисты не моют ноги?

– Моют. У себя дома в ванне.

– А молитесь вы не так, как мы...

Наверно, мисс Модии решила, что проще объяснить приметы баптизма, чем символ веры.

– Баптисты, которые омывают ноги, всякое удовольствие считают за грех, – объяснила она. – Знаешь, один раз в субботу приехали они из лесу в город и давай кричать мне через забор, что я со своими цветами пойду прямо в ад.

– И цветы пойдут в ад?

– Да, мэм. Цветы будут гореть вместе со мной. Эти ногомойщики полагают, что я слишком много времени провожу под божьим небом и слишком мало сижу в четырех стенах над словом божьим.

Я вдруг увидела, как мисс Модии жарится в аду (а он у каждого протестанта свой), и сразу засомневалась, правду ли говорят в проповедях. Конечно, язык у мисс Модии злой, и она не так усердно занимается добрыми делами, как мисс Стивени Кроуфорд. Но только круглый дурак может доверять мисс Стивени, а мисс Модии человек надежный – это мы с Джимом знаем наверняка. Она никогда на нас не ябедничает, не притворяется перед нами, не сует нос в наши дела. Она нам друг. Понять невозможно, почему такой разумный человек может быть осужден на вечные муки!

– Это несправедливо, мисс Модии. Вы самая хорошая женщина на свете.

Мисс Модии широко улыбнулась.

– Благодарю вас, мэм, – сказала она. – Дело в том, что ногомойщики всякую женщину считают сосудом греха. Они, видишь ли, понимают Библию слишком буквально.

– И мистер Артур для того сидит дома, чтоб не видеть женщин?

– Понятия не имею.

– По-моему, это очень глупо. Если уж мистеру Артуру так хочется в рай, он бы хоть на крыльцо выходил. Аттикус говорит, Бог велит любить людей, как себя...

Мисс Модии перестала раскачиваться в качалке.

– Ты еще слишком мала и не поймешь, – сказала она сурово, – но бывают люди, в руках у которых Библия опаснее, чем... чем бутылка виски в руках твоего отца.

– Аттикус не пьет виски! – возмутилась я. – Он сроду капли в рот не брал... Ой, нет, он сказал, что один раз попробовал виски – и ему не понравилось.

Мисс Модии рассмеялась:

– Я не то хотела сказать. Я говорю – если бы Аттикус Финч даже напился пьяным, он все равно не был бы таким злым и грубым, как иные люди в самом лучшем своем виде. Просто есть такие люди, они... они чересчур много думают о том свете и потому никак не научатся жить на этом. Погляди на нашу улицу, и увидишь, что из этого получается.

– По-вашему, это правда – все, что говорят про Стра... про мистера Артура?

– Что именно?

Я рассказала.

– Это на три четверти негритянские сказки, а на четверть выдумки мисс Кроуфорд, – хмуро сказала мисс Модии. – Стивени Кроуфорд однажды даже рассказала мне, будто проснулась она среди ночи, а он смотрит на нее в окно. А я спросила: «Что же ты сделала, Стивени? Подвинулась и дала ему место?» Тогда она на время прикусила язык.

Еще бы не прикусить! Мисс Модии кого угодно заставит замолчать.

– Нет, деточка, это дом печали, – продолжала она. – Артура Рэдли я помню мальчиком. Что бы про него ни говорили, а со мною он всегда был вежлив. Так вежлив, как только умел.

– Вы думаете, он сумасшедший?

Мисс Модии покачала головой:

– Может, и нет, а должен бы за это время сойти с ума. Мы ведь не знаем толком, что делается с людьми. Что делается в чужом доме за закрытыми дверями, какие тайны...

– Аттикус со мной и с Джимом всегда одинаково обращается – что дома, что во дворе!

Я чувствовала, мой долг – вступить за отца.

– О господи, девочка, да разве я о твоём отце! Я просто старалась объяснить, что к чему. Но уж раз о нём зашла речь, я тебе вот что скажу: Атткус Финч всегда один и тот же, что у себя дома, что на улице... Я пекла торт, хочешь взять кусок с собой?

Я очень даже хотела.

Назавтра я проснулась и увидела Джима с Диллом на задворках, они о чём-то оживленно разговаривали. Я вышла к ним, а они опять свое: иди отсюда.

– Не пойду. Двор не твой, Джим Финч, двор и мой тоже. Я тоже имею право тут играть. Дилл с Джимом наскоро посоветовались.

– Если останешься, будешь делать все, как мы велим! – предупредил меня Дилл.

– Ты чего задаешься? Какой командир нашёлся!

– Поклянись, что будешь делать, как велим, а то мы тебе ничего не скажем, – продолжал Дилл.

– Больно ты стал важный. Ладно уж, рассказывайте.

– Мы хотим передать Страшиле записку, – глазом не моргнув, заявил Джим.

– Это как же?

Я старалась подавить невольный ужас. Мисс Модии хорошо говорить, она старая и ей уютно сидеть у себя на крылечке. А мы – дело другое.

Джим собирался насадить записку на удочку и сунуть сквозь ставни в окно Рэдли. Если кто-нибудь пойдет по улице, Дилл зазвонит в колокольчик.

Дилл поднял руку – в ладони у него был зажат серебряный обеденный колокольчик моей матери.

– Я подойду с той стороны, – говорил Джим. – Мы вчера с улицы видели, там один ставень болтается. Может, я хоть на подоконник записку положу.

– Джим...

– Нет уж, мисс Придира, сама ввязалась, так нечего теперь на попятный!

– Да ладно, только я не хочу сторожить. Джим, знаешь, в тот раз кто-то...

– Нет, будешь сторожить. Ты обойдешь дом с тылу, а Дилл будет смотреть за улицей, если кто пойдет, он зазвонит. Поняла?

– Ладно уж. А что вы ему написали?

Дилл сказал:

– Мы его просим очень вежливо, пускай он иногда выходит из дому и рассказывает нам, что он там делает, и пускай он нас не боится, мы ему купим мороженого.

– Вы просто спятили, он всех нас убьет!

Дилл сказал:

– Это я придумал. По-моему, если он выйдет и посидит с нами немножко, ему станет веселее.

– А почему ты знаешь, что ему дома скучно?

– Попробовала бы ты сидеть сто лет взаперти и питаться одними кошками! Спорим, у него борода выросла вот до этих пор.

– Как у твоего папы?

– У моего папы нет бороды, он... – Дилл запнулся, словно припоминая.

– Ага, попался! – сказала я. – Раньше ты говорил – у твоего папы черная борода...

– А он ее летом сбрил, если хочешь знать! Могу показать тебе письмо. И еще он мне прислал два доллара...

– Ну да, рассказывай! Может, он тебе еще прислал кавалерийский мундир и саблю? Врунишка ты и больше никто!

Отродясь я не слыхала, чтоб кто-нибудь так врал, как Дилл Харрис. Среди всего прочего он семнадцать раз летал на почтовом самолете, и побывал в Новой Шотландии, и видел живого

слона, и его дедушка был сам бригадный генерал Джо Уилер¹¹, и он оставил Диллу в наследство свою шпагу.

– Молчите вы, – сказал Джим. Он слазил под крыльцо и вытащил желтое бамбуковое удилище. – Пожалуй, этим я достану с тротуара до окна.

– Если кто такой храбрый, что может пойти и дотронуться до стены, так и удочка ни к чему, – сказала я. – Тогда прямо пошел бы да и вышиб дверь.

– Это... другое... дело... – отчеканил Джим. – Сколько раз тебе повторять?

Дилл достал из кармана листок бумаги и подал Джиму. И мы осторожно двинулись к дому Рэдли. Дилл остановился у фонаря, а мы с Джимом завернули за угол. Я прошла вперед и стала так, чтобы можно было заглянуть за угол.

– Все спокойно, – сказала я. – Никого не видеть.

Джим обернулся к Диллу, тот кивнул.

Джим привязал записку к удилищу и протянул его через палисадник к окну. Он тянулся изо всех сил, но удилище оказалось коротковато, не хватало нескольких дюймов. Он все тыкал удилищем в сторону окна, наконец мне надоело смотреть издали, и я подошла к нему.

– Никак не закину записку, – пробормотал Джим. – В окно-то попадаю, а она там не отцепляется. Иди на улицу, Глазастик.

Я вернулась на свой пост и стала глядеть за угол на пустынную дорогу. Время от времени я оглядывалась на Джима, он терпеливо старался закинуть записку на подоконник. Она слетала наземь, и Джим снова тыкал удилищем в окно, и под конец я подумала, если Страшила Рэдли ее и получит, так прочитать не сможет. Я глядела вдоль улицы, и вдруг зазвонил колокольчик.

Я круто обернулась – вот сейчас на меня кинется Страшила Рэдли с оскаленными клыками... но это был не Страшила, а Дилл, он тряс колокольчиком перед самым носом Аттикуса. У Джима сделалось такое лицо, прямо смотреть жалко, и я уж ему не сказала – «говорила я тебе...». Нога за ногу он поплелся по тротуару, волоча за собой удилище.

– Перестань звонить, – сказал Аттикус.

Дилл зажал язычок колокольчика, стало тихо-тихо, я даже подумала, лучше бы он опять зазвонил. Аттикус сдвинул шляпу на затылок и подбоченился.

– Джим, – сказал он, – ты что здесь делаешь?

– Ничего, сэр.

– Не вилай. Говори.

– Я... мы только хотели кое-что передать мистеру Рэдли.

– Что передать?

– Письмо.

– Покажи.

Джим протянул ему грязный клочок бумаги. Аттикус с трудом стал разбирать написанное.

– Зачем вам, чтобы мистер Рэдли вышел из дому?

– Мы думали, ему с нами будет весело... – начал Дилл, но Аттикус только взглянул на него, и он прикусил язык.

– Сын, – сказал Аттикус Джиму, – слушай, что я тебе скажу, повторять я не намерен: перестань мучить этого человека. И вы оба тоже.

Как живет мистер Рэдли – его дело, говорил Аттикус. Захочет он выйти на улицу – выйдет. Хочет сидеть дома – имеет на это право, и нечего всяким надоедам (а это еще очень мягкое название для таких, как мы) совать нос в его дела. Кому из нас понравится, если вечером перед сном Аттикус без стука вломится к нам в комнату? А ведь, в сущности, так мы поступаем с

¹¹ Уилер Джон (1836–1906) командовал кавалерией южан во время Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865).

мистером Рэдли. Нам кажется, что мистер Рэдли ведет себя странно, а ему самому это вовсе не кажется странным. Далее, не приходило ли нам в голову, что, когда хочешь что-нибудь сказать человеку, вежливее постучать в парадную дверь, а не лезть в окно? И последнее: пока нас не пригласят в дом Рэдли, мы будем держаться от него подальше и не будем играть в дурацкую игру, за которой Аттикус однажды нас застал, и поднимать на смех кого бы то ни было на нашей улице и вообще в нашем городе...

– Вовсе мы его не поднимали на смех, – сказал Джим. – Мы просто...

– Ах, значит, этим вы и занимались?

– Чем? Поднимали на смех?

– Нет, – сказал Аттикус. – Только разыгрывали историю его жизни на глазах у всех соседей.

Джим, кажется, даже возмутился:

– Не говорил я, что мы разыгрываем его жизнь! Не говорил!

Аттикус коротко усмехнулся:

– Вот сейчас и сказал. И чтоб больше вы все трое этими глупостями не занимались.

Джим смотрел на отца, разинув рот.

– Ты ведь, кажется, хочешь быть юристом? – Аттикус как-то подозрительно поджал губы, словно они у него расплывались.

Джим решил, что выкручиваться бесполезно, и промолчал. Аттикус ушел в дом за какими-то бумагами, которые он с утра забыл захватить, и тогда только Джим сообразил, что попался на старую-престарую юридическую уловку. Он стоял на почтительном расстоянии от крыльца и дожидался, чтобы Аттикус вышел из дому и опять направился в город. И когда Аттикус отошел так далеко, что уже не мог слышать, Джим заорал ему вслед:

– Хотел быть юристом, а теперь еще подумаю!

Глава 6

– Хорошо, – сказал Аттикус, когда Джим спросил, можно ли нам посидеть с Диллом у пруда мисс Рейчел, ведь завтра Дилл уезжает. – Попрошайся с ним за меня, на будущий год летом мы его ждем.

Мы перепрыгнули через низенькую ограду между нашей подъездной дорожкой и двором мисс Рейчел. Джим крикнул перепелом, из темноты отозвался Дилл.

– До чего тихо, ни ветерка, – сказал Джим. – Смотрите.

Он показал на восток. За садом мисс Моды вставала большущая луна.

– Даже вроде от нее жарко, – сказал Джим.

– Что на ней сегодня, крест? – спросил Дилл, не поднимая головы. Он мастерил из бечевки и обрывка газеты папиросу.

– Нет, просто женщина. Не зажигай эту штуку, Дилл, будет вонь на весь город.

Когда в Мейкомбе смотришь на луну, видно, что там женщина. Она сидит перед зеркалом и расчесывает волосы.

– Без тебя нам будет скучно, – сказала я Диллу. – Может, пойдем караулить мистера Эйвери?

Мистер Эйвери снимал квартиру напротив миссис Генри Лафайет Дюбоз. По воскресеньям он с блюдом в руках собирал в церкви пожертвования; кроме этого, он каждый вечер до девяти часов сидел на крыльце и чихал. Однажды вечером нам посчастливилось увидеть одно представление – наверно, оно было единственное, сколько мы потом ни караулили, оно не повторилось. Мы спустились с крыльца мисс Рейчел, как вдруг Дилл остановил нас:

– Ух, поглядите!

И показал через улицу. Сперва мы только и увидели заросшую глицинией веранду, а потом оказалось – из листвы бьет струя, описывает дугу и, наверно, за добрых десять футов оттуда падает на землю, в круг желтого света от уличного фонаря. Джим сказал – мистер Эйвери не попадает в яблочко, Дилл сказал – он, наверно, выпивает по бочке в день: они заспорили, кто попадет дальше и ловчее, а я в этом состязании не участвовала, потому что не отличалась талантами в этой области, и опять почувствовала себя отверженной.

Дилл потянулся, зевнул и сказал что-то чересчур небрежно:

– Придумал. Пошли гулять.

Так я ему и поверила! В Мейкомбе никто не ходит гулять просто так, без цели.

– А куда, Дилл?

Дилл мотнул головой в южном направлении.

– Ладно, – сказал Джим.

Я запротестовала было, но он сказал самым сладким голоском:

– А ты с нами не ходи, ангелочек, тебя никто не просит.

– И тебя не просят. Забыл, как...

Но Джим не любил вспоминать прежние неудачи: из всего, что сказал тогда Аттикус, он, видно, только и усвоил, как ловко юристы умеют докапываться до правды.

– А мы ничего такого и не делаем, Глазастик, мы только дойдем до фонаря и обратно.

Мы молча брели по тротуару и прислушивались к скрипу качелей на соседских верандах, к тихим по-вечернему голосам взрослых на улице. Время от времени до нас доносился смех мисс Стивени Кроуфорд.

– Ну? – сказал Дилл.

– Ладно, – сказал Джим. – Шла бы ты домой, Глазастик.

– А вы что будете делать?

Они только собирались заглянуть в окно с оторванным ставнем – вдруг увидят Страшилу Рэдли? – а я, если не хочу идти с ними, могу сейчас же отправляться домой и держать свой длинный язык за зубами, вот и все.

– А почему это вам взбрело дожидаться нынешнего вечера?

Потому что вечером их никто не увидит, потому что Аттикус в это время по уши уйдет в книжку и если настанет конец света, он и то не заметит, и если Страшила Рэдли их убьет, так у них пропадут не каникулы, а учение, и потому что в темном доме легче что-нибудь разглядеть темным вечером, а не средь бела дня, понятно мне это?

– Джим, ну пожалуйста...

– В последний раз тебе говорю, Глазастик, не канючь – или убирайся домой. Ей-богу, ты становишься самой настоящей девчонкой!

После этого у меня уже не оставалось выбора, и я пошла с ними. Мы решили подлезть под проволочную изгородь на задворках Рэдли – там не так опасно, что нас увидят. За изгородью с той стороны был большой сад и узкий деревянный сарайчик.

Джим приподнял нижнюю проволоку и махнул Диллу: пролезай. Я полезла следом и подержала проволоку, пока пролезал Джим. Он еле протиснулся.

– Только тихо, – прошептал он. – Да смотрите не наткнетесь на кольраби, а то будет такой треск – мертвецы проснутся.

После таких наставлений я ползла как черепаха. Потом увидела при свете луны, что Джим уже далеко и машет нам, и двинулась быстрее. Мы подошли к калитке, ведущей на задний двор. Джим тронул ее. Калитка заскрипела.

– Плюньте на нее, – зашептал Дилл.

– Завел ты нас, Джим, – пробормотала я. – Как мы потом выберемся?

– Тс-с... Плюй на петли, Глазастик.

Мы плевали, пока не пересохло во рту, потом Джим осторожно отворил калитку. Мы были на задворках.

С тыла дом Рэдли выглядел еще неприветливей, чем с фасада: во всю стену тянулась ветхая, полуразвалившаяся веранда, на нее выходили две двери, между ними два темных окна. С одного края крышу веранды подпирал не столб, а неотесанное бревно. В углу стояла приземистая печурка; над нею висела вешалка для шляп, призрачно поблескивало зеркало, и в нем отражался лунный свет.

Джим тихо охнул и замер на одной ноге, не решаясь ступить второй.

– Чего ты?

– Куры... – шепнул он еле слышно.

Да, со всех сторон нас ждали невидимые препятствия. Дилл впереди тоже на что-то наткнулся и выдохнул: «О господи!» Мы прокрались за угол дома, к окну с болтающимся ставнем. Заглянуть в окно Джим не мог – не хватало нескольких дюймов роста.

– Сейчас я тебя подсажу, – прошептал он Диллу. – Нет, погоди.

Он взял меня за руку, мы сделали из рук седло и подняли Дилла. Он ухватился за подоконник.

– Скорей, – прошептал Джим, – долго мы тебя не удержим.

Дилл стукнул меня по плечу, и мы опустили его на землю.

– Что видел?

– Ничего. Шторы. Но где-то там светится огонек.

– Пошли отсюда, – зашептал Джим. – Поворачиваем назад. Ш-ш, – зашипел он, когда я хотела возвратиться.

– Попробуем с той стороны, – сказал Дилл.

– Не надо, – взмолилась я.

Дилл приостановился и пропустил Джима вперед. Джим хотел подняться на заднюю веранду, у него под ногой скрипнула ступенька. Он замер, потом осторожно передвинулся. Ступенька молчала. Через две следующие он занес ногу на веранду и чуть не потерял равновесие. Но все-таки не упал и осторожно опустился на колени. Подполз к окну, поднял голову и заглянул внутрь.

И тут я увидела тень. Тень человека в шляпе. Сперва я подумала – это дерево, но ветра не было, а стволы ходить не умеют. Веранда была залита лунным светом, и тень, четкая, будто вырезанная ножницами, направлялась к Джиму.

После меня ее увидел Дилл. Он закрыл лицо руками.

Потом тень упала на Джима, и он увидел ее. Он прикрыл голову руками и замер.

Тень остановилась в двух шагах от Джима. Подняла руки, потом опустила. Потом повернулась, опять прошла по Джиму, по веранде и скрылась за домом так же неслышно, как появилась.

Джим спрыгнул с веранды и кинулся к нам. Распахнул калитку, протолкнул в нее нас с Диллом и погнал между грядками кольраби. На полдороге я споткнулась, и тут грянул выстрел.

Дилл и Джим растянулись на земле рядом со мной. Джим дышал, как загнанная лошадь. – Через школьный двор... скорей, Глазастик!

Он придержал нижнюю проволоку, мы с Диллом перекатились на ту сторону и уже почти добежали до густой тени одинокого дуба на школьном дворе, хватились, а Джима с нами нет. Побежали назад, а Джим застрял в проволоке и старается вылезть из штанов. Наконец высвободился и в одних трусах побежал к дубу.

Но вот мы и за дубом. И тут мы совсем оцепенели, один только Джим не потерял способности соображать:

– Надо скорее домой, а то нас хватятся.

Мы бежим по школьному двору, проползаем под изгородью на Олений луг, что за нашим домом, потом через вторую изгородь – к нам на задворки, на крыльцо, и тут Джим дал нам передохнуть. Отдышавшись, мы с самым невинным видом проходим в палисадник. Выглядываем на улицу и видим, у ворот Рэдли собрались соседи.

– Пойдем туда, – сказал Джим. – А то они удивятся, где мы.

У своей калитки стоял мистер Натан Рэдли с дробовиком в руках. Перед ним на тротуаре – Аттикус, мисс Моды и мисс Стивени Кроуфорд, в двух шагах от них мисс Рейчел и мистер Эйвери. Нас никто не заметил.

Мы тихонько подошли к мисс Моды, она оглянулась.

– А вы все где были? Разве вы ничего не слышали?

– Что случилось? – спросил Джим.

– В огород к мистеру Рэдли забрался негр, и мистер Рэдли в него стрелял.

– О-о! И попал?

– Нет, – сказала мисс Стивени, – он стрелял в воздух. Напугал негра так, что он весь побелел. Говорит, если кто увидит белого негра, так это тот самый и есть. Говорит, у него второй ствол заряжен и, если в огороде еще что-нибудь шелохнется, он будет бить прямо в цель, будь то собака, негр или... Джим Фи-инч!

– Что, мэм?

Тут заговорил Аттикус:

– Где твои штаны?

– Штаны, сэр?

– Да, штаны.

Что тут было говорить. Джим стоял перед всеми в одних трусах. Я тяжело вздохнула.

– Э-э... мистер Финч!

В ярком свете уличного фонаря я видела – Дилл готовится соврать: глаза у него расширились, пухлая ангельская рожица стала еще круглее.

– Что скажешь, Дилл? – спросил Аттикус.

– Я... я их у него выиграл, – туманно объяснил Дилл.

– Как так выиграл?

Дилл почесал в затылке, провел рукой по лбу.

– Мы там у пруда играли в раздевальный покер.

Мы с Джимом облегченно вздохнули. Соседям, видно, тоже все стало понятно, они так и застыли. Только что это за покер такой?

Мы так и не успели это узнать, мисс Рейчел вдруг завопила, как пожарная сирена:

– О господи, Дилл Харрис! Играть у моего пруда в азартные игры? Вот я тебе покажу раздевальный покер!

Аттикус спас Дилла от немедленного увечья.

– Одну минуту, мисс Рейчел, – сказал он. – Я никогда раньше не слышал, чтобы они занимались чем-либо подобным. Вы что же, играли в карты?

Джим очертя голову кинулся спасать положение:

– Нет, сэр, просто в спички.

Не всякий сумеет так найтись, как мой брат! Спички – штука опасная, но карты – верная погибель.

– Джим и Глазастик, – сказал Аттикус, – чтоб я больше не слышал ни о каком покере. Джим, поди с Диллом и возьми свои штаны обратно. Разберитесь между собой сами.

– Не бойся, Дилл, – сказал Джим, когда мы побежали прочь, – ничего она с тобой не сделает. Аттикус ее заговорит. А ты быстро сообразил. Слушай... слышишь?

Мы приостановились и услышали голос Аттикуса:

– ...ничего серьезного... все они проходят через это, мисс Рейчел...

Дилл успокоился, но нам с Джимом покоя не было. Откуда Джиму утром взять штаны?

– Я дам тебе какие-нибудь свои, – предложил Дилл, когда мы дошли до дома мисс Рейчел.

Джим сказал:

– Спасибо, в твои мне не влезть.

Мы попрощались, и Дилл ушел в дом. Потом, видно, вспомнил, что мы с ним помолвлены, выбежал опять и тут же при Джиме наскоро меня поцеловал.

– Пиши мне, ладно? – заорал он нам вдогонку.

Не останься Джим без штанов, мы бы все равно плохо спали в эту ночь. Я свернулась на своей раскладушке на задней веранде, и каждый ночной шорох казался мне оглушительным: зашуршит гравий у кого-то под ногами – это рыщет Страшила Рэдли, подгоняемый жаждой мести; засмеется где-то в темноте прохожий-негр – это гонится за нами Страшила; ночные мотыльки бьются о проволочную сетку на окне – это Страшила в бешенстве рвет ее; платаны надвигались на нас, живые, злобные. Долго я томилась между сном и явью, потом услышала шепот Джима:

– Трехглазка, ты спишь?

– Ты что, спятил?

– Тс-с... У Аттикуса уже темно.

В слабом свете заходящей луны я увидела – Джим спустил ноги с кровати.

– Я пошел за штанами, – сказал он.

Я так и села.

– Не смей! Не пушу!

Джим торопливо натягивал рубашку.

– Надо.

– Только попробуй – и я разбужу Аттикуса.

– Только попробуй – и я тебя убью.

Я вцепилась в него и заставила сесть рядом со мной. Надо как-нибудь его отговорить.

– Мистер Натан утром их найдет. Он знает, что это ты потерял. Конечно, будет плохо, когда он их принесет Аттикусу... Ну и все, и ничего тут не сделаешь. Ложись!

– Это я все и сам знаю, – сказал Джим. – Потому и иду.

Меня даже затошнило. Вернуться туда одному... Как это сказала мисс Стивени: у мистера Натана второй ствол заряжен, и, если в огороде шелохнется негр, собака или... Джим это понимал не хуже меня. Я чуть с ума не сошла от страха.

– Не надо, Джим, не ходи! Ну, выдерет Аттикус – это больно, но пройдет. А там тебя застрелят. Джим, ну пожалуйста!..

Джим терпеливо вздохнул.

– Понимаешь, Глазастик, – тихо сказал он, – сколько я себя помню, Аттикус меня ни разу не ударил. И мне неохота пробовать.

А ведь и правда. Аттикус только грозил нам чуть не каждый день.

– Значит, он ни разу тебя ни на чем таком не поймал.

– Может быть, но... мне неохота пробовать, Глазастик. Зря мы туда сегодня полезли.

Вот с этого часа, наверно, мы с Джимом и начали отдаляться друг от друга. Случалось, он и раньше ставил меня в тупик, но ненадолго. А этого я понять не могла.

– Ну пожалуйста, не ходи! – упрашивала я. – Знаешь, как там будет страшно одному...

– Да замолчи ты!

– Ну выдерет... ведь это не то, что он никогда больше не будет с тобой разговаривать или... Я его разбужу, Джим, честное слово, я...

Джим сгрел меня за ворот пижамы и чуть не задушил.

– Тогда я пойду с тобой... – еле выговорила я.

– Нет, не пойдешь, ты только наделаешь шуму.

Ну что с ним делать. Я отодвинула щеколду и держала дверь, пока он тихонько спускался с заднего крыльца. Было, наверно, часа два. Луна уже заходила, и перепутанные на земле тени становились неясными, расплывчатыми. Белый хвостик рубашки Джима то подскакивал, то нырял в темноте, точно маленький призрак, бегущий от наступающего утра. Я вся обливалась потом, но подул ветерок, и стало прохладно.

Наверно, он пошел в обход, по Оленьему лугу и через школьный двор, – по крайней мере, он двинулся в ту сторону. Это дальше, и волноваться еще рано. Я ждала – вот сейчас настанет время волноваться, вот грохнет дробовик мистера Рэдли. Потом как будто скрипнула изгородь. Но это только почудилось.

Потом послышался кашель Аттикуса. Я затаила дыхание. Иной раз, вставая среди ночи, мы видели, он еще читает. Он говорил, что часто просыпается по ночам, заходит поглядеть на нас, а потом читает, пока опять не заснет. Я ждала – вот сейчас он зажжет лампу – и вглядывалась, не просочится ли в коридор струйка света. Но было по-прежнему темно, и я перевела дух.

Ночные мошки и мотыльки угомонились, но чуть подует ветерок – и слышно, как на крышу падают платановые шишки, а где-то вдалеке лают собаки, и от этого в темноте совсем уж тоскливо и одиноко.

Вот и Джим возвращается. Белая рубашка перескочила через ограду и становится все больше. Вот он поднялся по ступеням, задвинул щеколду, сел на кровать. Не говоря ни слова, показал найденные штаны. Потом лег, и некоторое время я слышала, как трясется его раскладушка. Скоро он затих. Больше я его не слышала.

Глава 7

Целую неделю Джим был мрачный и молчаливый, я попробовала влезть в его шкуру и походить в ней, как посоветовал мне тогда Аттикус: если бы мне пришлось в два часа ночи пойти одной во двор к Рэдли, назавтра бы меня хоронили. Поэтому я оставила Джима в покое и старалась ему не надоедать.

Начались занятия в школе. Второй класс оказался не лучше первого, даже хуже: у нас перед носом опять махали карточками и не позволяли ни читать, ни писать. По взрывам хохота за стеной можно было судить, как подвигается дело в классе у мисс Кэролайн; впрочем, там осталась целая команда вечных второгодников, и они помогали наводить порядок. Одно хорошо, теперь у меня было столько же уроков, сколько у Джима, и обычно в три часа мы шли домой вместе.

Один раз возвращаемся мы через школьный двор домой, и вдруг Джим заявляет:

– Я тебе еще кое-что не рассказал.

За последние несколько дней он мне и двух слов кряду не сказал, надо было его подбодрить.

– Про что это? – спросила я.

– Про ту ночь.

– Ты мне про ту ночь вообще ничего не говорил.

Джим отмахнулся, как от комара. Помолчал немного, потом сказал:

– Я тогда вернулся за штанами... когда я из них вылез, они совсем запутались в проволоке, я никак не мог их отцепить. А когда вернулся... – Джим шумно перевел дух. – Когда вернулся, они висели на изгороди, сложенные... как будто ждали меня.

– Висели и ждали...

– И еще... – Джим говорил очень ровным голосом, без всякого выражения. – Вот придем домой, я тебе покажу. Они были зашиты. Не как женщины зашивают, а как я бы сам зашил. Вкривь и вкось. Как будто...

– ...как будто кто знал, что ты за ними придеешь.

Джим вздрогнул.

– Как будто кто прочитал мои мысли... и знал, что я буду делать. Ведь никто не может заранее сказать, что я буду делать, для этого надо знать меня самого, правда, Глазастик?

Он говорил очень жалобно. Я решила его успокоить:

– Этого никто не может сказать заранее, только свои, домашние. Даже я и то иногда не знаю, что ты будешь делать.

Мы шли мимо нашего дерева. В дупле от выпавшего сучка лежал клубок бечевки.

– Не трогай, Джим, – сказала я. – Это чей-то тайник.

– Непохоже, Глазастик.

– Нет, похоже. Кто-нибудь вроде Уолтера Канингема приходит сюда в большую перемену и прячет разные вещи, а мы их у него отнимаем. Знаешь, давай не будем ничего трогать и подождем два дня. Если никто не возьмет, тогда возьмем мы, ладно?

– Ладно, может, ты и права, – сказал Джим. – Может, какой-нибудь малыш прячет тут свои вещи от больших. Ты заметила, в каникулы тут ничего не бывает.

– Ага, – сказала я, – но летом мы тут и не ходим.

Мы пошли домой. На другое утро бечевка была на том же месте. На третий день Джим взял ее и сунул в карман. С тех пор все, что появлялось в дупле, мы считали своим.

Во втором классе можно было помереть со скуки, но Джим уверял, что с каждым годом будет лучше, у него сперва было так же, только в шестом классе узнаешь что-то стоящее.

Шестой класс ему, видно, с самого начала понравился; он пережил короткий египетский период – старался делаться плоским, как доска, одну руку выставлял торчком перед собой, другую заводил за спину и на ходу ставил одну ступню перед другой, а я смотрела на все это разинув рот. Он уверял, будто все древние египтяне так ходили. Я сказала – тогда непонятно, как они ухитрились еще что-то делать, но Джим сказал – они сделали куда больше американцев, они изобрели туалетную бумагу и вечное бальзамирование, и что бы с нами было, если бы не они? Аттикус сказал мне – отбрось прилагательные, и тогда все выйдет правильно.

В Южной Алабаме времена года не очень определенные: лето постепенно переходит в осень, а за осенью иногда вовсе не бывает зимы – сразу наступают весенние дни, и за ними опять лето. Та осень была долгая и теплая, даже почти не приходилось надевать куртку. Как-то в погожий октябрьский день мы с Джимом быстро шагали знакомой дорогой, и опять пришлось остановиться перед нашим дуплом. На этот раз в нем виднелось что-то белое.

Джим предоставил мне хозяйничать, и я вытащила находку. Это были две куколки, вырезанные из куска мыла. Одна изображала мальчика, на другой было что-то вроде платья.

Я даже не успела вспомнить, что колдовство бывает только в сказках, взвизгнула и отшвырнула фигурки.

Джим мигом их поднял.

– Ты что, в уме? – прикрикнул он и стал стирать с куколок рыжую пыль. – Смотри, какие хорошие. Я таких никогда не видал.

И он протянул мне фигурки. Это были точь-в-точь двое детей. Мальчик – в коротких штанах, клочок волос падает до самых бровей. Я поглядела на Джима. Прядь каштановых волос свисала от пробора вниз. Прежде я ее не замечала.

Джим перевел взгляд с куклы-девочки на меня. У куклы была челка. У меня тоже.

– Это мы, – сказал Джим.

– По-твоему, кто их сделал?

– Кто из наших знакомых вырезывает?

– Мистер Эйвери.

– Он совсем не то делает. Я говорю – кто умеет вырезать фигурки?

Мистер Эйвери изводил по полю в неделю: он выстреливал из полена зубочистку и потом жевал ее.

– И еще кавалер мисс Стивени Кроуфорд, – подсказала я.

– Верно, он умеет, но ведь он живет за городом. Ему на нас и смотреть-то некогда.

– А может, он сидит на веранде и смотрит не на мисс Стивени, а на нас с тобой. Я бы на его месте на нее не смотрела.

Джим уставился на меня не мигая, и наконец я спросила, что это он, но он ответил только – ничего, Глазастик. Дома он спрятал кукол к себе в сундучок.

Не прошло и двух недель, как мы нашли целый пакетик жевательной резинки и наслаждались ею всю: Джим как-то совсем забыл, что вокруг Рэдли все ядовитое.

Еще через неделю в дупле оказалась потускневшая медаль. Джим отнес ее Аттикусу, и Аттикус сказал – это медаль за грамотность; еще до нашего рождения в школах округа Мейкомб бывали состязания – кто лучше всех пишет, и победителю давали медаль. Аттикус сказал – наверно, кто-то ее потерял, мы не спрашивали соседей? Я хотела объяснить, где мы ее нашли, но Джим меня лягнул. Потом спросил – а не помнит ли Аттикус, кто получал такие медали? Аттикус не помнил.

Но лучше всех была находка через четыре дня: карманные часы на цепочке и с алюминиевым ножичком; они не шли.

– Джим, по-твоему, это такое белое золото?

– Не знаю. Покажем Аттикусу.

Аттикус сказал – если бы часы были новые, они вместе с ножиком и цепочкой стоили бы, наверно, долларов десять.

– Ты поменялся с кем-нибудь в школе? – спросил он.

– Нет, нет, сэр! – Джим вытащил из кармана дедушкины часы, Аттикус давал их ему поносить раз в неделю, только осторожно, и в эти дни Джим ходил как стеклянный. – Аттикус, если ты не против, я лучше возьму эти. Может, я их починю.

Когда Джим привык к дедушкиным часам, ему наскучило весь день над ними дрожать и уже незачем было каждую минуту смотреть, который час.

Он очень ловко разобрал и опять собрал часы, только одна пружинка и два крохотных колесика не влезли обратно, но часы все равно не шли.

– Уф! – вздохнул он. – Ничего не выходит. Слушай, Глазастик...

– А?

– Может, надо написать письмо тому, кто нам все это оставляет?

– Вот это хорошо, Джим, мы скажем спасибо... чего ты?

Джим заткнул уши и замотал головой.

– Не понимаю, ничего не понимаю... сам не знаю, Глазастик... – Джим покосился в сторону гостиной. – Может, сказать Аттикусу... Нет, не стоит.

– Давай я скажу.

– Нет, не надо. Послушай, Глазастик...

– Ну чего?

Весь вечер у него язык чесался что-то мне сказать: то вдруг повернется ко мне, а у самого глаза блестят, то опять передумает. Передумал и на этот раз:

– Да нет, ничего.

– Давай писать письмо. – Я сунула ему под нос бумагу и карандаш.

– Ладно. Дорогой мистер...

– А почему ты знаешь, что это мужчина? Спорим, это мисс Моды... Я давно знаю, что это она.

– Э-э, мисс Моды не жует жвачку! – Джим ухмыльнулся. – Ох, она иногда здорово разговаривает. Один раз я хотел ее угостить, а она говорит – нет, спасибо, жвачка приклеивается к небу, и тогда становишься бес-сло-вес-ной! Красиво звучит, правда?

– Ага, она иногда очень красиво говорит. Хотя верно, откуда ей было взять часы и цепочку?

«Дорогой сэр, – стал сочинять Джим. – Мы вам очень признательны за ча... за все, что вы нам положили в дупло. Искренне преданный вам Джереми Аттикус Финч».

– Если ты так подпишешься, он не поймет, что это ты.

Джим стер свое имя и подписался просто: «Джим Финч». Ниже подписалась я: «Джин-Луиза Финч (Глазастик)». Джим вложил письмо в конверт.

На другое утро, когда мы шли в школу, он побежал вперед и остановился у нашего дерева. Он стоял ко мне лицом, глядел на дупло, и я увидела – он весь побелел.

– Глазастик!!!

Я подбежала.

Кто-то замазал наше дупло цементом.

– Не плачь, Глазастик, ну, не надо... ну, не плачь, слышишь... – повторял он мне всю дорогу до школы.

Когда мы пришли домой завтракать, Джим в два счета все проглотил, выбежал на веранду и остановился на верхней ступеньке. Я вышла за ним.

– Еще не проходил... – сказал он.

На другой день Джим опять стал сторожить – и не напрасно.

– Здравствуйте, мистер Натан, – сказал он.

– Здравствуйте, Джим и Джин-Луиза, – на ходу ответил мистер Рэдли.

– Мистер Рэдли... – сказал Джим.

Мистер Рэдли обернулся.

– Мистер Рэдли... э-э... это вы замазали цементом дырку в том дереве?

– Да. Я ее запломбировал.

– А зачем, сэр?

– Дерево умирает. Когда деревья больны, их лечат цементом. Пора тебе это знать, Джим.

Весь день Джим больше про это не говорил. Когда мы проходили мимо нашего дерева, он задумчиво похлопал ладонью по цементу и потом тоже все о чем-то думал. Видно, настроение у него становилось час от часу хуже, и я держалась подальше.

Вечером мы, как всегда, пошли встречать Аттикуса с работы. Уже у нашего крыльца Джим сказал:

– Аттикус, посмотри, пожалуйста, вон на то дерево.

– Которое?

– На участке Рэдли, вон то, поближе к школе.

– Вижу, а что?

– Оно умирает?

– Нет, почему же? Смотри, листья все зеленые, густые, нигде не желтеют...

– И это дерево не больное?

– Оно такое же здоровое, как ты, Джим. А в чем дело?

– Мистер Рэдли сказал, оно умирает.

– Ну, может быть. Уж наверно, мистер Рэдли знает свои деревья лучше, чем мы с тобой.

Аттикус ушел в дом, а мы остались на веранде. Джим прислонился к столбу и стал тереться о него плечом.

– Джим, у тебя спина чешется? – спросила я как можно вежливее.

Он не ответил. Я сказала:

– Пойдем домой?

– После приду.

Он стоял на веранде, пока совсем не стемнело, и я его ждала. Когда мы вошли в дом, я увидела – он недавно плакал, на лице, где положено, были грязные разводы, но почему-то я ничего не слыхала.

Глава 8

По причинам, непостижимым для самых дальновидных пророков округа Мейкомб, в тот год после осени настала зима. Две недели стояли такие холода, каких, сказал Аттикус, не бывало с 1885 года. Мистер Эйвери сказал – на Розеттском камне¹² записано: когда дети не слушаются родителей, курят и дерутся, тогда погода портится; на нас с Джимом лежала тяжкая вина – мы сбили природу с толку и этим доставили неприятности всем соседям и напортили сами себе.

В ту зиму умерла старая миссис Рэдли, но ее смерть прошла как-то незаметно, ведь соседи видели миссис Рэдли, кажется, только когда она поливала свои канны. Мы с Джимом решили, что это Страшила наконец до нее добрался, но Аттикус ходил в дом Рэдли и потом, к нашему разочарованию, сказал – нет, она умерла естественной смертью.

– Спроси его, – зашептал мне Джим.

– Ты спроси, ты старше.

– Вот поэтому ты и спрашивай.

– Аттикус, – сказала я, – ты видел мистера Артура?

Аттикус строго посмотрел на меня поверх газеты.

– Нет, не видел.

Джим не дал мне спрашивать дальше. Он сказал – Аттикус все еще не забыл нашего похода на Страшилу, так что лучше давай про это помолчим. И еще Джиму казалось, Аттикус подозревает, что в тот вечер летом дело было не только в раздевальном покере. Джим сказал – у него нет никаких оснований так думать, просто он нюхом чувствует.

Наутро я проснулась, поглядела в окно и чуть не умерла от страха. Я так завизжала, что из ванной прибежал Аттикус с намыленной щекой.

– Конец света! Аттикус, что делать?!

Я потащила его к окну.

– Это не конец света, – сказал Аттикус. – Это идет снег.

Джим спросил, долго ли так будет. Он тоже никогда не видал снега, но знал, какой он бывает. Аттикус сказал – он знает про снег не больше Джима.

– Но думаю, если он будет такой мокрый, как сейчас, он превратится в дождь.

Когда мы завтракали, зазвонил телефон – и Аттикус вышел из-за стола. Потом вернулся и сказал:

– Звонила Юла Мэй. Цитирую: «Поскольку в округе Мейкомб снега не было с тысяча восемьсот восемьдесят пятого года, в школе сегодня занятий не будет».

Юла Мэй была главная телефонистка нашего города. Она всегда передавала разные важные новости, приглашения на свадьбы, возвещала о пожаре и в отсутствие доктора Рейнолдса советовала, как оказать первую помощь.

Когда Аттикус наконец велел нам успокоиться и смотреть не в окна, а в свои тарелки, Джим спросил:

– А как лепить снеговика?

– Понятия не имею, – сказал Аттикус. – Мне жаль вас огорчать, но, боюсь, снега не хватит даже на порядочный снежный ком.

Вошла Кэлпурния и сказала – вроде не тает. Мы выбежали во двор – он был покрыт тонким слоем мокрого снега.

– Не надо по нему ходить, – сказал Джим, – от этого он пропадает.

¹² Розеттский камень – найденная в 1799 г. в Египте близ г. Розетта базальтовая плита с высеченными на ней иероглифическими надписями, которые были расшифрованы французским египтологом Жаном Франсуа Шампольоном.

Я оглянулась: там, где мы прошли, оставались талые следы. Джим сказал – надо подождать, пускай снегу нападает побольше, мы его весь соберем и слепим снеговика. Я подставила язык под пушистые хлопья. Они обжигали.

– Джим, снег горячий!

– Нет, просто он такой холодный, что даже жжется. Не ешь его, Глазастик, не трать зря. Пускай падает.

– А я хочу по нему походить!

– Ага, придумал! Пойдем походим у мисс Моды.

И Джим запрыгал по двору. Я старалась попадать след в след. На тротуаре напротив дома мисс Моды к нам подошел мистер Эйвери. Лицо у него было розовое, из-под ремня выпирал толстый живот.

– Вот видите, что вы наделали? – сказал он. – В Мейкомбе снега не было с незапамятных времен. Погода меняется, а все из-за непослушных детей.

Я подумала – может, мистер Эйвери знает, как мы летом ждали, чтоб он повторил свое представление? Что ж, если снег послан нам в наказание, пожалуй, стоит грешить. Откуда мистер Эйвери берет свои метеорологические сведения, я не задумывалась: конечно же, прямо с Розеттского камня.

– Джим Финч, а Джим Финч!

– Джим, тебя мисс Моды зовет.

– Держитесь оба посреди двора! У веранды снегом засыпало левкой, смотрите не наступите на них!

– Не наступим! – отозвался Джим. – А красиво, правда, мисс Моды?

– Да провались она, эта красота! Если ночью будет мороз, пропали мои азалии!

На старой, с широкими полями соломенной шляпе мисс Моды поблескивали снежинки. Она наклонилась над какими-то кустиками и окутывала их пустыми мешками. Джим спросил, для чего это.

– Чтоб они не озябли, – сказала мисс Моды.

– Как цветы могут озябнуть? У них же нет кровообращения?

– Этого я не могу тебе объяснить, Джим Финч. Я знаю одно: если ночью будет мороз, цветы замерзнут, – вот я их и укрываю. Понятно?

– Да, мэм. Мисс Моды...

– Да, сэр?

– Можно мы с Глазастиком одолжим у вас снега?

– О господи, да берите весь! Там под крыльцом есть старая корзинка из-под персиков, наберите в нее и тащите. – Тут мисс Моды прищурилась. – Джим Финч, а что ты собираешься делать с моим снегом?

– Вот увидите, – сказал Джим, и мы перетасили со двора мисс Моды столько снега, сколько могли. Это была очень мокрая и слякотная работа.

– А дальше что, Джим? – спросила я.

– Вот увидишь, – сказал он. – Бери корзинку и тащи с заднего двора в палисадник весь снег, сколько соберешь. Да смотри зря не топчи, ступай по своим следам.

– У нас будет маленький снеговичок?

– Нет, настоящий большой снеговик. Ну, давай принимайся, дела много.

Джим побежал на задворки, достал мотыгу и начал быстро-быстро рыть землю за поленницей, а всех червей откидывал в сторону. Потом сбегал в дом, принес бельевую корзину, насыпал в нее доверху земли и поволок в палисадник.

Когда мы натащили туда пять корзин земли и две корзины снегу, Джим сказал – можно начинать.

– Что-то грязь получается, – сказала я.

– Это сейчас грязь, а после будет хорошо, – ответил Джим.

Он стал лепить из земли ком, а на нем второй, все больше и больше, и получилось туловище.

– Джим, разве бывают снеговики-негры? – спросила я.

– Потом он не будет черный, – буркнул Джим.

Он принес из-за дома персиковых прутьев, сплел их по несколько штук и согнул, получились кости, их надо было облепить глиной.

– Это мисс Стивени Кроуфорд, – сказала я. – Сама толстая, а ручки тоненькие.

– Сейчас сделаю потолще. – Джим облил грязевика водой и прибавил еще земли. Поглядел, подумал и слепил толстый живот, выпирающий ниже пояса. Потом поглядел на меня, глаза у него блеснули. – Мистер Эйвери ведь похож на снеговика, верно?

Потом он набрал в горсть снега и налепил сверху. Мне он позволил лепить снег только на спину, а все, что будет на виду, делал сам. Понемногу мистер Эйвери побелел.

Джим воткнул ему сучки на место глаз, носа, рта и пуговиц, и мистер Эйвери стал сердитый. Для полноты картины в руки ему дали полено. Джим отступил на шаг и оглядел свое творение.

– Прямо как живой! – сказала я. – До чего здорово, Джим!

– Правда неплохо? – смущенно сказал Джим.

Мы не могли дожидаться Аттикуса к обеду, а позвонили в суд, что у нас для него сюрприз. Он пришел и, видно, удивился, что мы всю землю из-за дома перетащили в палисадник, но сказал – мы отлично поработали!

– Я не совсем понимал, из чего ты его вылепишь, – сказал он, – но впредь я могу за тебя не волноваться, сын, ты всегда что-нибудь да придумашь.

У Джима даже уши покраснели от такой похвалы, но Аттикус отступил на шаг, и он насторожился. Аттикус разглядывал снеговика. Весело улыбнулся, потом засмеялся.

– Не знаю, что из тебя выйдет, сын, – инженер, адвокат или художник-портретист. Но сейчас тебя, пожалуй, можно судить за публичное оскорбление. Придется этого малого замаскировать.

И Аттикус предложил Джиму поубавить брюшко снеговика, дать в руки вместо полена метлу и повязать фартук.

Джим объяснил, что тогда опять будет не снеговик, а грязевик.

– Ну, сделай по-другому, но что-то сделать надо, – сказал Аттикус. – Ты не имеешь права лепить карикатуры на соседей.

– Это не критика, – сказал Джим. – Он на самом деле такой.

– Мистер Эйвери может с тобой не согласиться.

– Придумал! – сказал Джим.

Он побежал через улицу, скрылся за домом мисс Моды и вернулся гордый и довольный. Нахлобучил на снеговика ее широкополую соломенную шляпу, а в согнутую руку сунул садовые ножницы. Аттикус сказал – вот и прекрасно.

Из дому вышла мисс Моды и остановилась на крыльце. Поглядела через улицу. И вдруг усмехнулась.

– Джим Финч, ах ты, чертенок! – крикнула она. – Подайте сюда мою шляпу, сэр!

Джим поглядел на Аттикуса, Аттикус покачал головой.

– Она это не серьезно, – сказал он. – Просто она поражена твоими... талантами.

Аттикус перешел улицу, и они с мисс Моды оживленно заговорили о чем-то, размахивая руками; до меня донеслось только:

– ...выставить во дворе самого настоящего Мофродита! Хорошо же ты их воспитываешь, Аттикус!

Днем снег перестал, похолодало, и к ночи сбылись худшие предсказания мистера Эйвери: Кэлпурния не переставая, топила все печи, а мы все равно мерзли. Вечером Аттикус сказал: плохо наше дело – и спросил Кэлпурнию, может, ей лучше остаться у нас ночевать. Кэлпурния обвела взглядом большие окна и высокие потолки и сказала – у нее дома, наверно, теплее. И Аттикус отвез ее в автомобиле.

Перед сном Аттикус подбросил угля в печь у меня в комнате. Он сказал – сейчас шестнадцать градусов, он не упомнит такого холода, а наш снеговик совсем заледенел.

Мне показалось, прошло совсем мало времени, и вдруг кто-то трясет меня за плечо. Я проснулась и увидела поверх одеяла пальто Аттикуса.

– Разве уже утро?

– Вставай, малышка.

Аттикус протянул мне мой купальный халат и пальто.

– Сперва надень халат, – сказал он.

Рядом с Аттикусом стоял Джим, весь востряпанный, его качало. Одной рукой он придерживал ворот, другую сунул в карман. Он был весь какой-то толстый.

– Быстрее, дружок, – сказал Аттикус. – Вот твои носки и башмаки.

Я ничего не поняла, но обулась.

– Уже утро?

– Нет еще, второй час. Ну-ка, побыстрее.

Наконец до меня дошло: что-то не так.

– А что случилось?

Но теперь ему уже незачем было объяснять. Как птицы знают, что пора укрыться от дождя, так я знала, когда на нашу улицу приходила беда. Я услышала какое-то шелковистое шуршанье, шорохи, приглушенную суету, и мне стало страшно.

– У кого это?

– У мисс Моды, дружок, – мягко сказал Аттикус.

С веранды мы увидели, что у мисс Моды из окон столовой рвется пламя. И словно затем, чтоб мы скорей поверили своим глазам, взвыла над городом пожарная сирена – все тоньше, визгливее – и никак не умолкала.

– Все сгорит? – жалобно спросил Джим.

– Наверно, – сказал Аттикус. – Теперь вот что. Подите оба к дому Рэдли и стойте там. И не вертитесь под ногами, слышите? Видите, с какой стороны ветер?

– О-о! – сказал Джим. – Аттикус, может, надо уже вытаскивать мебель?

– Пока еще рано. Делай, что я велю. Ну, бегите! Смотри за сестрой, Джим, слышишь? Не отпускай ее ни на шаг.

И Аттикус подтолкнул нас к воротам Рэдли. Мы стояли и смотрели, нашу улицу все тесней заполняли люди и автомобили, а тем временем огонь молча пожирал дом мисс Моды.

– Ну что они так долго, что они так долго... – бормотал Джим.

Но мы понимали, в чем дело. Старая машина не заводилась на морозе, и целая толпа катила ее по улице, просто подталкивая руками. А когда шланг прикрутили к водоразборной колонке, он лопнул, струя брызнула вверх и окатила мостовую.

– Ой, Джим!..

Джим обнял меня за плечи:

– Тише, Глазастик. Подожди волноваться. Я тебе тогда скажу.

Жители Мейкомба, более или менее одетые, через двор выносили мебель мисс Моды на улицу. Аттикус тащил тяжелую дубовую качалку, и я подумала, какой он умный, спас ту самую вещь, которую мисс Моды любит больше всего.

По временам слышались крики. Потом в окне мансарды появился мистер Эйвери. Он выкинул под окно тюфяк и бросал на него разные вещи, пока все не закричали:

– Спускайтесь, Дик! Лестница горит! Уходите оттуда, мистер Эйвери!

Мистер Эйвери стал вылезать в окно.

– Застрыл... – выдохнул Джим. – Ох, Глазастик...

Мистер Эйвери не мог двинуться ни назад, ни вперед. Я уткнулась Джиму под мышку и зажмурилась. Потом Джим крикнул:

– Он выбрался, Глазастик! Он живой!

Я подняла голову. Мистер Эйвери был уже на балконе. Перекинул ноги через перила, стал съезжать по столбу вниз, но не удержался и с воплем свалился в кусты мисс Моды.

Тут я заметила, что люди пятятся от дома мисс Моды все ближе к нам. Никто уже не таскал мебель. Огонь охватил верхний этаж и дошел до самой крыши, чернели оконные рамы, а внутри все так и светилось оранжевым.

– Джим, правда там все рыжее, как тыква?..

– Смотри, Глазастик!

От нашего дома и от дома мисс Рейчел повалил дым, будто поднялся туман от реки, и к ним уже тянули шланги. Позади нас взвизгнули шины, из-за угла вынеслась пожарная машина из Эбботсвила и остановилась напротив нашего дома.

– Книжка... – сказала я.

– Какая книжка? – спросил Джим.

– Про Тома Свифта... она не моя, а Дилла...

– Подожди волноваться, Глазастик, – сказал Джим. И показал пальцем: – Гляди-ка!

Среди соседей, сунув руки в карманы пальто, стоял Аттикус. Вид у него был такой, будто он смотрит футбол. Рядом стояла мисс Моды.

– Видишь, он пока не волнуется, – сказал Джим.

– А почему он не на крыше?

– Он слишком старый, он сломает себе шею.

– Может, скажем ему, что надо вытаскивать вещи?

– Нечего к нему приставать, он сам знает, когда вытаскивать, – сказал Джим.

Эбботсвилские пожарные начали поливать водой наш дом; какой-то человек стоял на крыше и показывал, куда первым делом лить. Наш Самый Настоящий Мофродит почернел и развалился, соломенная шляпа мисс Моды так и осталась лежать на куче грязи. Садовых ножниц не было видно. Между домами мисс Моды, мисс Рейчел и нашим было так жарко, что все давно скинули пальто и купальные халаты, работали в пижамах или в ночных рубашках, заправленных в штаны. А я все стояла на одном месте и совсем заоченела. Джим обнял меня за плечи и старался согреть, но это не помогало. Я высвободилась и обхватила себя обеими руками. Начала приплясывать, и ноги понемногу согрелись.

Прикатила еще одна пожарная машина и остановилась перед домом мисс Стивени Кроуфорд. Колонка была только одна, не к чему прикрутить второй шланг, и пожарные стали поливать дом мисс Стивени из огнетушителей.

Железная крыша мисс Моды преградила путь огню. Дом с грохотом рухнул; пламя брызнуло во все стороны; на соседних крышах люди накинулись с одеялами на летящие искры и головешки.

Только когда рассвело, все начали понемногу расходиться. Мейкомбскую пожарную машину покатали обратно. Эбботсвилская уехала сама, третья осталась. Днем мы узнали – она приехала из Кларк-Ферри, за шестьдесят миль.

Мы с Джимом тихонько перешли улицу. Мисс Моды стояла и смотрела на черную яму, которая дымила посреди ее двора, и Аттикус покачал головой – значит, говорить с ней не надо. Он повел нас домой, а сам держался за наши плечи, потому что мостовая была очень скользкая. Он сказал – мисс Моды пока поживет у мисс Стивени. Потом спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.